



ЛИДИЯ ЛАЗОР

**ДУШИ
ЛАМПАДНЫЙ
СВЕТ**



Лидия Лазор

**ДУШИ ЛАМПАДНЫЙ
СВЕТ**

Роман в стихах

Том I

Второе издание
Доработанное и дополненное

Под редакцией автора

Луганск
Издательство «Ноулидж»
2017 год

УДК 82-1(477.61)
ББК 84(Укр-4Луг)6-5
Л 17

Лазор Л. И.

Души лампадный свет. Роман в стихах. Т. 1. Второе издание. Доработанное и дополненное. / Лидия Лазор. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2017. – 272 с.

ISBN 966-8526-05-8

Роман «Души лампадный свет» написан незаурядным талантливым поэтом Лазор Лидией Ивановной в 2003 году. Обстоятельства, которые сложились в Украине, заставили автора через 14 лет сделать в романе некоторые изменения и дополнения. Автором дописан эпилог, который соединяет роман «Души лампадный свет» с романом, написанным в 2017 году, «Любовь, убитая войной», что составляет дилогию, то есть произведение в двух томах.

Дополнения, изменения в романе «Души лампадный свет», а также написанный в наши дни эпилог добавили произведению ярких красок, он заиграл дополнительными гранями, озаряя человеческую жизнь силой любви, её радостями и печалью. В нём собраны соцветья чувств и веры, что и помогает героям романа достичь поставленных целей.

Роман написан оригинальной 20-строчной строфой с твёрдой рифменной схемой. И в её основу положена так называемая «онегинская строфа», состоящая из 14-ти строк. Создан роман «Души лампадный свет» такой двадцатистрочной строфой, которую по аналогии с «онегинской» можно назвать «лазорской», пожалуй, в литературном мире впервые. Поэтому Лидия Ивановна является новатором в сфере такого стихосложения, которое привлекает читателя своей глубиной и яркостью поэтического изложения.

ББК 84(Укр-4Луг)6-5

ISBN 966-8526-05-8

©Лазор Л.И., 2017

ЛАМПАДНЫЙ СВЕТ БУДЕТ СИЯТЬ...

В свет выходит 32-я книга известного и талантливого поэта и писателя Лидии Ивановны Лазор «Души лампадный свет». Перед нами самый первый роман в стихах. И написан он был в 2003 году, на стыке XX и XXI веков, а это «время перемен», как пишет сама Лидия Ивановна в предисловии к роману, «является самым сложным этапом для государственного развития как в экономическом, политическом, правовом, социальном плане, так и в формировании личности, живущей в данной стране». Почему автор возвращается к роману, написанному более 14 лет назад?!

Во-первых, Лидия Ивановна написала в наши дни эпилог к роману, в котором говорит о том, что власть Украины разрушила мир и счастье тысяч людей на Донбассе, а ведь события романа происходят в Киеве, в тогда ещё благополучной стране, где герои радуются и страдают, любят и ненавидят, женятся и рожают детей на счастье всем, где все верят в лучшее и все могут быть счастливы, как герои романа «Души лампадный свет». Но не всегда и не все берегут хрупкий мир и счастье простых людей:

Война ж четвёртый год идёт,
И горе каждый день несёт.
Я в продолженье этой мысли
Давно книгу написала,
В ней понять тебя взывала,
Но беды лишь черней нависли.

А понять автор взывала власть Украины то, что все жители страны имеют право на любовь и счастье, на мир и будущее, на свои желанья говорить на родном языке и жить в дружбе с великой Россией, и они не заслужили, чтобы их убивали и уничтожали их дома, сады, школы, города.

Важно добавить, что эпилог соединяет роман «Души лампадный свет» с романом, написанным в 2017 году,

«Любовь, убитая войной», что, в свою очередь, составляет дилогию, то есть произведение в двух томах. Оба романа перекликаются между собой по тематике, стилистике, жанровым особенностям. Автор поднимает в обоих романах проблемы добра и зла, семьи, любви, мира и войны.

И, во-вторых, об этом невозможно не сказать, роман написан совершенно новой строфой. По сути она похожа на уже давно известную так называемую «онегинскую строфу», которой наш великий классик А. С. Пушкин написал свой известнейший роман «Евгений Онегин». «Онегинская строфа» состоит из 14 строк, имеющих определённую схему рифмовки (об этом мы говорили ранее, анализируя предыдущие названные мной романы). Безошибочно можно утверждать, что в наши дни Лидия Ивановна Лазор является новатором в использовании «онегинской строфы». Использование знаменитой на весь мир «онегинской строфы» в современных, актуальных по своей тематике, произведениях является признаком незаурядного таланта и поэтической гениальности автора, дарованных ей свыше. А вот роман «Души лампадный свет» написан впервые, пожалуй, в литературном мире строфой, которая состоит из 20-ти строк с твёрдой рифменной схемой. Это абсолютная инновация в сфере стихосложения. В её основу положена как раз «онегинская строфа», но с дополнением катрена (четверостишия) с перекрёстной рифмой и двустишия. Поскольку такой строфой ранее практически никто не писал, её можно назвать по фамилии автора «лазорской строфой». Получается, что строфическое строение «лазорской строфы» представлено четырьмя катренами (четверостишиями) и двумя двустишиями (промежуточным и заключительным), при этом реализован принцип упорядоченности рифменной схемы, а именно: в первом катрене перекрёстная рифма, во втором – парная, в третьем – опоясывающая; затем следует промежуточное двустишие, затем четвёртый катрен с перекрёстной рифмой и заключительное двустишие. Рифменная схема такой строфы выглядит следующим образом: AbAb CCdd EffE gg HiHi JJ

(прописными буквами традиционно обозначается женская рифма, а строчными – мужская). Думаю, читатель заинтригован таким литературным анализом новаторского написания романа в стихах «Души лампадный свет», поэтому уместно будет вкратце рассказать об авторе, а затем продолжить.

Лидия Ивановна Лазор – директор Института юриспруденции и международного права Луганского национального университета имени Владимира Даля, доктор юридических наук, профессор. Она – Почётный профессор ВНУ им. В. Даля и ЛНУ им. В. Даля ЛНР, Заслуженный юрист Украины, академик Международной Академии информатизации, академик Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, академик высшей школы Украины, Заслуженный деятель науки и техники, комиссар II ранга, генерал-лейтенант Международного комитета защиты прав человека. В 1998 году Лазор Л. И. была признана женщиной-учёным года. В 2011 году она стала номинантом международной общественной организации «Женщина III тысячелетия Луганщины». В 1989 году Лидии Ивановне удалось впервые создать в Ворошиловградском машиностроительном институте межвузовскую кафедру по советскому праву и возглавить её, куда вошёл профессорско-преподавательский состав машиностроительного, педагогического, медицинского, сельскохозяйственного и Коммунарского горно-металлургического институтов. А в 1992 году Л. И. Лазор сумела открыть специальность «Правоведение», на базе которой был организован гуманитарный факультет, руководителем которого стала Л. И. Лазор. Позже он перерос в юридический факультет, а в 2012 году он преобразовался в Институт юриспруденции и международного права Восточно-украинского национального университета имени Владимира Даля, теперь Луганского национального университета имени Владимира Даля, директором которого является Л. И. Лазор. Л. И. Лазор является автором уникальных учебников, единственных на постсоветском пространстве, таких, как

«Каноническое право» и изданного в 2013 году «Трудовое процессуальное право».

Лидия Ивановна является автором около 300 научных работ, председателем специализированного учёного совета на соискание учёной степени, руководит аспирантурой. Она подготовила более 60-ти кандидатов юридических наук и около 20-ти докторов юридических наук. Л. И. Лазор – член Международного общества писательских союзов, член Союза писателей России. В 2012 году Лидия Ивановна Лазор была награждена дипломом II степени международного литературного конкурса имени Виктора Шнитке в номинации «Стихи о Поволжье», который проходил в России. Более чем на 130 её произведений написана музыка известными композиторами, такими, как Анна Григорьевна Ковалёва, Сергей Петрович Турнеев, протоиерей Василий Попов, Иван Казанцев, Андрей Васильев, Юрий Коломойцев и др.

За вклад в развитие науки и литературы Лидия Ивановна награждена юбилейным орденом «Рождество Христово», орденом Княгини Ольги, дипломом «Лауреат литературной премии имени Владимира Даля», орденом «За патриотизм», орденом Преподобного Нестора Летописца, орденом «Звезда Почёта», орденом Пресвятой Богородицы Покровы, орденом «За веру и верность», высшей степенью отличия «Золотая Звезда» за защиту прав и свободы человека, орденом Святой Варвары, орденом Равноапостольного князя Владимира Великого, многочисленными медалями и другими наградами Украины, России, ЛНР.

Многогранное социальное значение романа «Души лампадный свет» невозможно переоценить. Автор представляет роман о нашей жизни, наших проблемах, наших соотечественниках и просто о тех, кто рядом живёт, работает, влюбляется, мечтает, о таких людях, как мы с вами. Человек и общество неразделимы, вот почему Л. И. Лазор показывает, как общество и его проблемы влияют на жизнь людей, откуда и почему берётся зло, как вознаграждается Всевышним добро, старание, трудолюбие и то хорошее, что может нести в это

общество человек. Остаётся загадкой – вымышлены ли герои Лидией Ивановной или срисованы с тех, кто окружает её. Но в любом случае автор любит своих героев, пытается им помочь и верит, что каждый найдёт и узнает себя или своих знакомых. Сама Л. И. Лазор так пишет о своих героях в предисловии: «Я прошла со своими героями по дорогам их жизни. Мои персонажи различного возраста и социального положения...»:

Со мною все они дружили,
И целый месяц в сердце жили,
И говорили день и ночь.
Была и я совсем не прочь
Общаться с ними непрестанно.
Их полюбила я душой,
Своей открытою судьбой,
Ласкала сердцем всех отрадно.

Автор показывает жизнь героев в Киеве в конце двадцатого и начале двадцать первого веков. Меняется ход времени, а в связи с этим меняются и нравственные устои в обществе. Не всегда в семьях ценится добро и порядочность, уважение и взаимопонимание, на поверхность всплывают человеческие пороки, деньги и материальные блага выходят иногда на первый план, вот почему мы встречаемся со злом и ненавистью. В романе борются добро и зло. Главные герои – Аня, Андрей, Верочка, Иван и его родители, Надя, Максим и другие являются воплощением добра и самоотверженности. И хотя все они перенесли немало бед, их сердца остаются добрыми, души открытыми и бескорыстными. У них у всех «Всё чувства зорькою горят и всё сильнее согреть хотят». Лучше и не скажешь! Параллельно представлен образ Фёдора и его отца Марка. Они из бандитской среды, что является порождением того времени, поэтому убийство для этих людей есть событие рядовое. Фёдор хотел бессердечно убить Аннушку, но её закрыла собой мать, получив смертельное ранение. И ведь убийца не раскаивается. А нам, читателям,

остаётся лишь уповать на то, что Господь рассудит всех, и все получат по заслугам. Об этом в своём предисловии так пишет Л. И. Лазор: «При вхождении в мир иной для каждого из нас наступит час, когда необходимо будет давать отчёт своим действиям, совершённым на земле». Фёдор и его отец погибают. Марк перед смертью прозревает, он понимает, что есть его вина в том, что сын его вырос таким, но уже слишком поздно, ничего не исправить. Антонина, мать Фёдора, видит сны о его мучениях. Тогда она обращается к Богу, чтобы отмолить его грехи:

Может, мать его избавит,
Если Бога будет славить,
И молиться станет день и ночь,
Икупать своим стараньем,
Милосердным поминаньем,
Его боли вытесняя прочь.

Здесь остановимся на православной линии романа Лидии Ивановны Лазор. Тема святой веры в Господа, его помощи всем обращающимся к Нему всегда проходит в произведениях автора. Помогает Господь Аннушке найти своего любимого мужа в Лавре, а Ивану помогает вернуть память и подарить им сына:

Здесь просил, чтоб Бог им сына дал,
К Нему вместе с Анею зывал...

Лидия Ивановна обращается к теме материнства, она говорит, что дети – это огромное счастье, подарок Господа: «По выбору Бог посылает услышать трепетное «Мать», И этот дар в объятья взять...» Вот почему деток нужно растить, вкладывая душу, любовь и огромный труд, чтобы они росли достойными и добрыми людьми. Именно семья играет главную роль в формировании человека. А с хорошими добрыми людьми всегда возможно победить любое зло и

сделать наш мир прекраснее!

Если глубоко верить в Бога, жить по Его заповедям, то Он сотворит любые чудеса. Исцеление Максима, преображение Надюши, встречи и соединения судеб героев романа – это и есть Божий промысел, дарящий свет и радость, счастье и надежду каждому, кто ждёт и верит, кто готов помогать ближнему, жертвовать собой и дарить окружающим добро и тепло своей души. Ведь и название романа выбрано автором не случайно.

На протяжении всего романа Л. И. Лазор говорит о том свете души, который мы получаем при рождении свыше от Господа Бога. И главное, наверное, для каждого из нас достичь того, чтобы этот свет всегда оставался с нами, чтобы он освещал дорогу жизни и нам, и рядом идущим людям, чтобы свет этот был бы светом добра и радости, чтобы его яркий отблеск всегда хранил нас и помогал в жизни: Очень хотелось бы, чтобы этот свет сиял нам столько, сколько мы живём на этой земле, даже если иногда он может закрываться тенью. Но только не каждому дано увидеть этот души лампадный свет. А Лидия Ивановна в романе именно хочет:

Показать души лампадный свет,
Что с рождения сияет.
Он все доли освещает
И несёт в себе души ответ.

Несколько слов хочется сказать об огромном гуманизме и милосердии Л. И. Лазор. Как правило, талантливые люди мудры и добры, потому что свой талант они дарят людям, помогая постичь те жизненные постулаты, которые не всегда и не всем понятны. Так вот Лидия Ивановна через свои произведения, через своих героев предостерегает читателя от бед и ненастий, она словно даёт советы, как поступить в той или иной ситуации, на примерах жизни героев показывает, какие ошибки может совершать человек. Лидия Ивановна любит и своих героев, она словно проживает вместе с ними, и

своих читателей. К читателям она частенько обращается, называя их «дорогой мой читатель», «дорогой друг», «приятель». Автор симпатизирует положительным героям, немного бранит отрицательных, но верит, что добро победит зло. Вот несколько строчек в конце романа, подтверждающих сказанное:

Роман писать я завершаю,
В нём – каждый выстрадан герой,
Тебя, читатель, умоляю –
Ты не брани за жанр такой.
Мне всем хотелось по порядку
Вложить в судьбу свои разгадки...

Назначение поэта – служить Отечеству и людям. Именно в этом служении и проявляет себя во всех гранях своего незаурядного таланта Лидия Ивановна Лазор. И очень хочется, чтобы её произведения жили в веках и служили людям, делая их чище, светлее, добрее и прекраснее!

Необходимо отметить, что стиль, язык и художественные особенности романа в стихах Л. И. Лазор «Души лампадный свет» являются редкими для современных авторов, и встретить произведение, написанное подобным образом, практически невозможно. Но талант и редкий литературный дар Лидии Ивановны не перестает удивлять нас, читателей и поклонников её книг, радовать и восхищаться её творчеством. В романе используются всевозможные виды художественных приёмов, присущих литературным произведениям именно этого автора. Очень умело и мастерски используются эпитеты, метафоры, гиперболы, сравнения для красоты и убедительности речи героев и всего романа в целом. Интересны и ярко диалоги героев, иногда у читателя создаётся такое впечатление, что он присутствует при той или иной сцене, сопереживает вместе с героями, а, возможно, и просто находится в двух шагах от них. В искусстве такой приём называют обычно «эффект присутствия». И очень красочно

Лидия Ивановна Лазор использует в романе «Души лампадный свет» описание природы. Дождь и метель, солнце и снег, гроза и ветер словно бы всегда кстати – они усиливают наши впечатления и делают чётче представления того, о чём говорит автор:

Её к себе деревня звáла:
Айдар, который тих собой,
И воздух сладкий полевой,
И пасека с жужжанием пчёл,
Ромашек белопенный взор,
Неубранных садов укор,
В изобилии фруктовый стол...

Заканчивается роман «Души лампадный свет» на позитивной мажорной ноте. Все герои обрели своё счастье, которого непременно заслуживают. Иногда в его поисках приходилось проходить немало испытаний, ну так устроена жизнь, такова действительность – счастье нужно заслужить, иногда дожидаться и выстрадать. И мне, как человеку, искренне любящему литературу и творчество Лидии Ивановны, хочется поблагодарить её за такой хороший конец, ведь он даёт многим людям надежду на то, что всё в жизни может наладиться, всего можно достичь и добиться, если искренне верить в Бога, не отчаиваться, а искать своё счастье, свою любовь, идти к своей мечте и делать добро.

И ещё раз хотелось бы остановиться на том эпилоге, который написала Лидия Ивановна Лазор в наши дни в продолжение романа «Души лампадный свет», написанного более 14 лет назад.

Прочитав эпилог, становится ясно, почему автор обратилась к столь давно написанному роману. На примере нескольких семей, героев романа в стихах, показана жизнь простых граждан Украины, ведь действие происходит в Киеве. Как всегда и как везде, герои романа живут со своими проблемами и радостями, со своими мечтами и чаяниями.

Меняется век, меняются люди, неизменны лишь честь, совесть, добро и зло, любовь и верность. Всегда над нами Бог, Он помогает, Он в душе и сердце, Он вездесущ. И никто не имеет права посягать на жизнь человека, на его достоинство и его интересы. Ну почему-то власть нынешней Украины решила, что жители Донбасса – безмолвные существа, и они должны подчиняться любым законам и правилам этой власти, даже если они нам чужды, и мы не согласны с ними. Автор словно хочет сказать властям – посмотрите, что вы разрушили, скольких невинных людей убили, и совершенно непонятно – ради чего, ради какой такой идеи? Или это просто прихоть горстки продавшихся Америке олигархов. Народ Донбасса встал на защиту своей Родины от фашизма и национализма, на защиту своих прав и интересов. И за это власть направила на нашу многострадальную землю танки и пушки, разрушив мир. Но мы выстоим, ведь, как говорится, наше дело правое – Победа будет за нами:

Вот почему власть и взываю,
Чтоб Украина в толк взяла,
Понять соль жизни умоляю,
Лампадным светом чтоб цвела,
Что я в романе раскрываю,
А в нём не боль – любви желаю.

Литературный аналитик творчества Л. И. Лазор

Т. Хархордина



19.01.2017 г.

Глава первая

I

В каштанах город простирался,
Он в двадцать первый век вступил,
Зарёй весенней улыбался,
Красою киевлян пленил:
Разливом улиц легкокрылых,
Фонтанным блеском сердцу милых,
Днепра усладной тишиной
И изумрудной глубиной,
И гулом поездов бегущих,
В метро везя людской поток
На север, запад и восток,
Стремлением к себе влекущих,
Судьбой ниспосланной своей,
Даря простор и скупость дней
Нам в этой жизни быстротечной,
Меняющей события лет,
Неся в себе исток сердечный.
Порой и горестный ответ
Всем нашим милым киевлянам,
Прекрасным, доблестным славянам.

II

В том городе и я бывала.
Постигла многие пути,
Печали разные познала,
Хочу до вас их донести.
В роман людскую боль вписала
И своим сердцем обласкала.
Не ясно если где скажу -
То я прощения прошу,
Мои читатели родные.
Для вас хочу душой писать,
И счастьем сердца обнимать,
И радость слать вам, дорогие.
О молодых писать начну,
Героев судьбы распахну -
Как в Киеве они том жили
Среди знакомых и друзей,
О чём друг другу говорили
И кто был ярче и милей.
Мы обо всех о них узнаем,
Коль весь роман сей прочитаем.

III

Хочу я с самого начала
Вам об Анюте рассказать.
Чтобы скорее суть poznали,
Начну я образ раскрывать.
Она как звёздочка сияла
И речью дивною взывала
К себе и взрослых, и детей
Сердечной мудростью своей.
И в свои двадцать лет неполных
Как старец рассуждать могла,
И глубиною дум цвела,
И лаской тешила убогих.
Своею щедрой добротой
Анюта всем была родной.
Но Ваня больше всех влюбился
Раскрытой, пылкою душой,
С надеждой к Аннушке стремился.
Он путь торил лишь к ней одной.
И мучился, и огорчался,
А всё в любви не признавался.

IV

Вот и сегодня он страдает,
С тоской в окошко всё глядит,
Вчерашний вечер вспоминает -
Себя за робость он корит,
Что не признался в любви верной
В застенчивости непомерной,
О своих чувствах не сказал,
Лишь только взором всё ласкал.
Вновь сердце гулко застучало.
Так кровь давила на виски,
Зажав движение в тиски,
Что воздуха в груди не стало
И сил не стало у него,
Лишь страх пронзил его всего.
И в голове всё закружилось,
И руки пали словно плеть,
Беседа снова не сложилась.
Вновь голос перестал звенеть,
Хотя под сердцем разливался,
Любовной одою вздымался.

V

Иван от роду был смышлёный.
Легко закончил институт,
Своей работою доволен
И совершенно был не плут.
Его наука не взывала.
Огнём она в нём не пылала.
Учёным не хотел он быть,
Тома научные растить.
Но практика была подвластна,
Процесс суда не был чужой,
Тропа судьи была родной,
Задача правосудья ясна.
Дела с усердьем изучал,
В рутинность взяток не впадал.
Судьёй пять лет уже трудился
И уважение имел,
Всё к объективности стремился,
В решеньях честен был и смел.
Враги в делах ему мешали,
Убить за правду обещали.

VI

Но был он человек бесстрашный.
Иван работой дорожил,
Угрозы понимал прекрасно,
Но пред врагами не юлил.
А мать, боясь беды, вздыхая,
Частенько в страхе пребывая,
Просила сына мягче быть,
Преступный мир не ворошить.
Ванюша слушал мать душою,
Её, как мог, он утешал,
Сыновней лаской согревал,
Но шёл тернистою тропею
И честь судьи оберегал,
Чем уважение снискал.
Его округа полюбила,
Весь Киев говорил о нём,
Железным мужем окрестила
Забываясь словно о родном -
К нему в почтенье прибывала
И откровение являла.

VII

А Иван Петрович снова сник,
Идя к Ане на свиданье,
Хоть счастьем и озарялся лик,
Но душа полна страданья-
В любви не смел он ей признаться,
Боялся изгнанным остаться.
Ему уж тридцать было лет,
Познали кудри белый цвет.
Но красота огнём горела
И черноокостью звала,
Улыбка чистотой цвела,
В нём сила редкая кипела.
С виду стройный, величавый,
Одним словом, парень бравый.
Недаром девушки вздыхали
И женщины бросали взор,
Любовь и верность предлагали,
Но он искал душе простор,
Ко всем лишь дружбою светился,
Пока в Анюту не влюбился.

VIII

Он вспомнил, как к нему недавно
С бумагой девушка вошла.
В нём сердце ёкнуло вдруг странно,
И робость в плен его взяла.
Он аж испариной покрылся,
За что пред Аней извинился.
Она ж прошение подала,
Такую речь вот повела:
- Я четвёртый год уже учусь
И к вам на практику пришла.
Я б вам полезной быть могла,
Поскольку работы не боюсь
И к ней стремлюсь всею душой
Я в этой жизни непростой.
И взор свой скромно опустила.
Ответа строгого ждала.
Ей доля встречу подарила -
Судьба судью преподнесла.
Пред ней он соловьём разлился,
Но очень быстро спохватился.

IX

На Анну яркою зарёю
Он пылким взором посмотрел,
Потом, назвав её родною,
Вдруг с раздражением вскипел:
- Я в практикантах не нуждаюсь,
И вас я брать не собираюсь.
Вам ещё в куклы бы играть,
А вы решили судьёй стать.
Прошу уйти из кабинета!
И не смотрите на меня
Глазами, полными огня!
Не дам желанного ответа,
Который бы согрел так вас,
Даря вам практику тотчас.
Идите. И в приёмной ждите.
Возможно, вас и приглашу.
Нет. Завтра лучше приходите...
К восьми явиться я прошу.
Ко мне опаздывать не смейте
И документы все имейте.

Х

Куликов встал, затем к приёмной
Вдруг нервно, быстро зашагал.
Нежданной встречей сражённый,
Иван дверь Ане открывал.
Душа заныла, застонала,
А отчего – пока не знала:
То ли от стыда горела,
То ли мука сердце ела.
Судья в себе не разобрался,
Покой мгновенно потерял,
Совсем себя не узнавал -
За что на девушку сорвался?
Ему ж хотелось ей помочь-
Зачем уйти заставил прочь?
Душа ж парила легкокрыло,
К ней льнула нежностью своей
И разливалась сладко, мило
В пылу неведомых огней.
Они, видать, судью смутили
И гневом сердце напоили.

XI

И только, когда дверь закрылась,
Иван Петрович «отошёл».
В нём совесть тут же пробудилась -
Он боль сердечную нашёл
И стал гореть огнём страданий
В плену своих переживаний.
Бранил себя он сотни раз,
Вернуть хотел её тотчас,
Перед Анютой извиниться,
У ней прощенья попросить,
Вину свою с сердечка смыть.
Такое как могло случиться,
Не может он и объяснить.
Судья таким не должен быть.
В мученьях до утра терзался,
Не ел и ноченьку не спал.
Он в суд до времени помчался,
Там поджидать Анюту стал.
Но девушка не приходила.
Хоть восемь уж давно пробило.

ХII

К обеду солнце повернуло,
Но Аня так и не пришла.
Прохлада к вечеру уж льнула,
А боль из сердца всё не шла.
И грустный, тягостный, унылый,
Он сам себе вдруг стал постылый.
Иван душою горевал,
Анюту тщетно он искал.
Уже рассвет в окно стучался,
И зорька землю обняла,
(Была по-девичьи мила),
И ветер к ивушке ласкался.
Лишь боль сильнее в груди росла,
Печалью сердце обвила.
Но Иван не знал, ему как быть,
Как с души согнать ненастье.
Он решил Володе позвонить,
Может, друг подарит счастье.
И декан проблему разрешил,
Анюту где найти, сообщил.

ХІІІ

Анюта с бледным ликом милым,
Горя досадною тоской,
Груз оскорблений не по силам
Несла, вручённый ей судьёй.
Стучало сердце, словно молот,
Ища для объяснений повод.
Но повод Аня не нашла,
Лишь в боль сердечную вошла.
И так на улице рыдала!..
Катились слёзоньки рекой.
Ничто не видя пред собой,
Она споткнулась и упала,
Разбила ноги до крови
И рученьки свезла свои.
Прохожий, увидев, подбежал,
Склонился он как мать над ней
И её легонечко поднял,
Поставив на ноги скорей.
Но Аня ногу поломала
И вся в мученьях изнывала.

XIV

Всё в голове её кружилось,
В тиски безмерно боль взяла,
Из ранок сильно кровь сочилась,
Но вот и «скорая» пришла.
Анюту повезли в больницу,
В белокаменную светлицу.
Врач быстро гипс ей наложил
И маме Ани позвонил.
Мать быстро к дочери примчалась,
В слезах припала к ней душой,
К единственной своей, родной,
С ней до утра не расставалась.
Утром и отец явился,
Он без усталости трудился,
Толковым, деловым считался,
Солидный капитал имел,
Достойным в жизни быть старался,
Людей он грабить не хотел.
Но всё ж не все дела сверкали
И злом иные обрастали.

XV

В большом достатке они жили,
Дворец в красе благоухал,
Умело капитал вложили,
А он большой доход им дал.
Директором он был отменным
И был бухгалтером умелым.
В расчёты мудро он вникал,
Отчёты чётко проверял.
Ведь фирму он имел большую
И служащих целый отдел,
Ведущих вереницу дел.
Он дисциплину ввёл стальную.
И сотрудники старались,
Трудолюбьем разливались.
И Андрей Петрович их ценил,
С пониманьем относился
И зарплату щедрую платил,
Кто работать не ленился.
Он ни за кем не волочился,
Хоть в двадцать лет ещё женился.

XVI

Директор был ещё красивый,
Свою он Верушку любил.
Жена имела образ милый,
Он на руках её носил.
Души и в доченьке не чаял,
Своей любовью её славил.
Дочь взаимностью платила,
Послушанием пленила.
Частенько Аннушка гуляла
С отцом и матерью своей.
И сердцу не было милей,
Когда с роднёю пребывала,
Материнских взоров ясных
И игр ярких и прекрасных.
В разливе сладостных мечтаний,
В кругу цветений луговых,
В уюте папиных стараний
И в ласке милых и родных
Анюта детство проводила
И с ними нежность возрастила.

XVII

И вот Анюта заболела.
Андрей Петрович горевал.
Его утешить дочь хотела,
Час разговора их настал.
Но на сей раз дочь не сказала,
Из-за чего она упала.
Ответила, что споткнулась.
От отца тайком взгрустнулось:
О той встрече вспомнила сейчас.
Вновь картина пробежала,
Как в суде она стояла...
Но судья зашёл к ним вдруг в тот час,
Стал перед Аней извиняться,
Смущением покрываться.
Ведь Иван Петрович отца знал,
Он с ним знаком был много лет.
Но судья в их доме не бывал
И в нём не видел дивный свет,
Который Аннушка являла,
Красою ангельской сияла.

XVIII

Когда увидела Анюта
Судью, вошедшего сюда,
К ней в сердце забежала смута,
Но всё ж растаяла беда.
Глаза разливом засияли
И половодием смывали
Боль и тоску вчерашних дней.
Чуть-чуть ей стало веселей.
Но в то же время грудь стонала
И жёг судейский разговор
И унижения позор.
Анюта маяту познала...
Стыд ей душеньку окутал,
Иван карты сердца спутал.
Судья тогда словно взбесился -
Из кабинета вмиг прогнал,
Так бранью сердца разразился,
Что практику пройти не дал.
А вот сегодня сам явился,
За всё сердечно извинился.

XIX

Анюта не знала, как ей быть,
Как событие то окинуть,
И возможно ли судью простить.
Может быть его отринуть?
В глаза Ивану посмотрела,
По-девичьи она сробела,
Но речь всё ж плавно повела,
Судью к ответу призвала:
- За что же вы меня бранили?
Ведь не преступница же я?
Вины моей не говоря,
Так оскорбленьем окатили!
К вам с направлением пришла,
И ваша воля в том была.
Зачем согласие вы дали,
Коль не хотели меня брать?
Теперь вы извиняться стали
И вновь стремитесь обещать.
Нет. К вам я трудиться не пойду
И лжеца дорогу обойду.

XX

И Иван Петрович был сражён
Беседою строговатой,
Но всё ж сердцем не был возмущён
Речью, колкостью богатой.
Иван на Аню не сердился,
А милой ласкою светился,
Которой Аню полюбил,
Сердечко ею окрылил.
Он к Ане нежностью проникся.
Теперь он понял, наконец,
Что он нисколько не подлец,
А сразу же в неё влюбился,
Но чувство стал в себе скрывать,
Чтоб повод Аннушке не дать.
Так думал наш судья примерный,
На Аню ласково глядя.
И понял всё отец степенный,
Спокойно к выходу идя.
Не стал мешать он их свиданью
И расплыться в назиданье.

XXI

Супруга мужа поддержала,
Не стала Ане допекать,
Лишь только с нежностью сказала:
- Пора лекарство принимать,
Чтоб ножка правильно срасталась
И боль надсадная снималась.
Судья матери Ани внял
И быстренько прощаться стал,
Хоть уходить так не хотелось,
Душа желанием цвела,
Любовью яркою звала.
Сказать об этом не терпелось,
Но он волнением был смущён
И её матерью стеснён.
Поэтому и стал прощаться,
И руку Аннушке подал.
Ему хотелось к ней прижаться,
Но он лишь тихо прошептал:
- Позвольте завтра к вам явиться,
Во всём спокойно объясниться.

XXII

Судья ушёл. Совсем стемнело.
Луны лишь лился мутный свет.
Но Аня спать всё не хотела,
Её замучил свой ответ.
Она так тягостно вздыхала
И сотни раз себя ругала,
Без конца себя винила,
О своих словах тужила,
Что Ване так вдруг нагрубила.
«Ведь он прощения просил,
С поникшим взором говорил.
А я ему так дерзко мстила...» -
Корила девушка себя,
Терзаньем сердце изводя.
Судью до боли стало жалко,
Она заплакала навзрыд.
Но всё же мыслям было сладко,
И испарился след обид.
Всю ночь Анюта промечтала,
Под утро только задремала.

XXIII

Проснулась. Солнышко сияло.
Была в палате тишина.
В кровати сбилось одеяло.
Цветок раскрылся у окна.
Но Аня дня не замечала,
В ней музыка души играла,
И беспокойство проросло,
Ожиданием зацвело.
Анюта явно повзрослела
Так вдруг за эти три денька,
Зажглась от встречи огонька
И глубиною чувств прозрела.
Таков ей зов был незнаком,
Сомнение в душе о нём,
О том, что вдруг судья сробеет,
И к ней он больше не придёт,
Обида ль сердце одолеет
Иль душу встреча обовьёт?..
Весь день в томленьях ожидала,
Пока стук в дверь не услышала.

XXIV

Судья явился уж под вечер.
Букет огромнейший держал.
И лик его такой был светел,
Но вдруг Иван теряться стал.
Волненьем сердца опьянённый,
Ожиданием утомлённый,
Судья неловко подошёл,
Взор на Анюту он простёр
И тихо, робко ей сообщил:
- Позвольте розы вам вручить
И о прощении молить,
Что несчастий столько причинил
Статной, милой, очень умной,
Вам, Анюта, такой юной...
Я очень вас прошу- простите,
Не обижайтесь на меня.
Идти ко мне коль не хотите,
То завтра на исходе дня
Хочу вам место я другое
Найти, чтоб было вам родное.

XXV

- Иван Петрович, что вы, право!..
Не извиняйтесь предо мной.
Хоть речь сказали вы на славу,
Но не достойна я такой.
Вчера я очень вам грубила,
Такую дерзость проявила.
Так безответственно вела,
Несправедлива я была.
И до сих пор до слёз мне стыдно,
Прошу меня за всё простить,
Не стоит за меня просить.
Я ввергла вас в свои обиды,
Хлопоты причинила я,
И в них лежит моя вина.
Но всё-таки мы с вами квиты.
В поступке боль была моём,
А к вам душа моя открыта
И мирным к вам горит огнём.
Спасибо вам, что навестили,
С меня вниманьем тяжесть смыли.

XXVI

Иван Петрович засмутился,
Не ожидал прощённым быть.
Но в дверь отец уж постучался,
Судье пришлось вновь уходить.
Он с грустью взор на Аню кинул,
Как будто нож из сердца вынул-
Аня ласкою горела,
С ним прощаться не хотела.
И окрылённый Иван вышел,
Мечтая завтра вновь прибыть
И по душам поговорить.
Ту радость он в сердечке слышал.
И это скрасило уход,
Как небо розовый восход
В начале дня к труду зовущий,
Как суету безмерных дел,
В грядущее мечтой идущих,
Кто как её воспеть сумел:
Кто тишиной, а кто и лаской,
А кто и дивной сердцу сказкой.

XXVII

Но наш судья собрал едино,
Букетом сладкую мечту
И неба ярkokрылой сини
Плеснул на святости версту.
Он, в сладких грёзах утопая,
К свиданью скорому взывая,
Душою долго ввысь смотрел,
Как будто б в небеса летел,
Кружился в зареве мечтаний,
Там вольно, как орёл парил,
Где не было предела сил
И ни тоски, ни увяданий.
Всё гармонией звучало,
Счастьем радостным сияло.
Хоть грёзы жизни быстротечны,
Но они есть и будут жить.
Мы ищем все пути сердечны
И неги сладостную нить.
И этим чувством мы богаты,
Пока не тронут нас утраты.

XXVIII

Утраты нам меняют корень
И независимо от нас
Бросают в почву новых зёрен.
Но не об этом, друг, сейчас.
Ведь наш судья горит свиданьем,
А не тоскою увяданья.
Завтра, сбросив все заботы,
К ней пойдет после работы.
Галантный, мило так одетый,
Красивый и умом богат,
Хоть не совсем аристократ,
Но от радушья ликом светлый.
Судья этим отличался-
Легко, ласково общался.
Однако наш читатель знает,
Что гнев знаком был и ему.
Но он, наверное, прощает
Ту брань герою моему,
Как пред Анютой он сорвался
И так беспочвенно ругался.

XXIX

Порой так доля поступает,
Судьбой народ наш обречён,
Но путь в ней видеть не желает,
Коль время - прозревает он.
Вот так случилось и с судьёю-
Он явно встретился с судьбою,
Сегодня шёл руки просить,
О скорой свадьбе говорить.
Они с Анютой помирились,
К ней каждый день судья ходил,
Цветы охапками носил,
Но вот ещё не объяснились.
Иван стеснением весь объят,
Но объясниться б с ней был рад.
Он каждый день мечтал об этом,
Слова в душе уж подобрал,
Но всё стеснён то тьмой, то светом,
Ещё что любит, не сказал.
Хоть сотни раз он порывался,
Душой – никак не раскрывался!

Глава вторая

I

Вот наш герой в семье Шерстнёвых.
В кругу друзей её, родных
Прекрасно знали Куликовых -
Из мест ведь были все одних.
И земляки разговорились,
Так коньячком раскрепостились,
Что лился разговор рекой,
Беседа шла сама собой.
И свободный дух во всём витал,
Раскрывая настежь дверцы,
Обнимая лаской сердце.
И объяснения час настал.
Стул отодвинув, судья наш встал
И чувствам волю своим дал:
- Сегодня Ани день рожденья,
Исполнилось ей двадцать лет.
Имею, Аня, к вам прошение,
Мне дайте искренний ответ,
Такой, который вы б хотели
И им меня бы не жалели.

II

Я вас люблю любовью страстной,
Имею полных тридцать лет.
Быть может возраст мой опасный,
Но вы одна на целый свет.
Я так пленён вашей красою.
Прошу вас, будьте мне женою.
День без вас не даст мне счастья,
Принесёт одни ненастья.
Ведь вас люблю я беспредельно,
Я вас лишь только и искал,
Уж и надежду потерял.
Вам странным я кажусь, наверно,
Но понял сразу, в тот же час,
Что сердцем полюбил я вас.
За брань простите, Бога ради,
Что так любовь к вам проявил.
Но вы души моей услада,
Мне будет свет без вас не мил.
Тоска на сердце моё ляжет,
Печалью жизнь мою повяжет.

III

А с вами воспарю крылато,
Любовью буду полыхать,
Вас жизнью окружу богатой,
Не дам ни капельки скучать.
Вам подарю я радость сердца,
Лишь вам открою любви дверцы
И с вами до конца пойду,
Спасение лишь в вас найду.
Ну, вот и всё... Я речь кончаю.
Душе своей я дал простор.
Мне мил и трепетен ваш взор,
И дать ответ вас умоляю,
К откровенью призываю
И на милость уповаю.
Прошу, не бойтесь раскрываться,
Сумею вас душой понять.
И лучше сразу уж признаться,
Руки коль не решитесь дать.
Друзьями сможем мы остаться
Или достойно распрощаться...

IV

Сел. За столом безмолвно стало,
И тишина всех обняла.
Лишь солнце в комнате гуляло...
Но Аня слово вдруг взяла:
- Иван, вы дивно говорили,
Вконец собой меня пленили.
И я хочу вам стать женой,
Быть и желанной, и родной.
Давно вас, Ваня, полюбила,
В душе мечтаю лишь о вас...
Родня, благословите нас!
Чтоб радость в сердце не остыла
И этот праздник не погас,
Назначим свадьбы день сейчас.
Иван вскочил. К Анюте бойко,
К невесте юной подбежал
И принародно счастьем звонким
В уста её поцеловал.
И в доме радость загуляла,
Сердца любовью согревала.

V

Итак, помолвка состоялась,
Нечаянно к ним в дом вошла.
На осень свадьба назначалась
И подготовкой зацвела.
А дни бежали чередою,
Неся гурьбу хлопот с собою.
День свадьбы в дом уж поспешал,
И молодых он в загс позвал.
И в этот день погода пела
Все песни осени своей.
А пара белых лебедей
В края далёкие летела ...
Она парила в облаках,
Ища счастье в чужих краях,
Туда, где будут не доступны
Врагам и холоду зимы,
Совьют там гнёздышки уютны,
Живя в достатке и любви.
Их молодые не видали
И им вослед не помахали...

VI

Ведь в загсе счастьем все сияли,
Горя, как дивная заря,
И любви кольца надевали,
В желанной радости паря,
Верностью что в сердце светит,
Надеждою любви ответит,
Даря стремительный простор
И трепетный счастливый взор.
Пара красотой взывала.
По взорам их можно прочесть
Достойную величья честь,
Что вечностью их освящала
В себе неся знамя любви,
Буйно пульсируя в крови.
Особо Анечка светила
Своей великой глубиной.
Мечты в ней нежность воплотилась
Лаской и верою святой.
Ведь Ваня Ане улыбался,
К ней пылким чувством простирался.

VII

Он взял Анюту, как ребёнка,
Из загса с нежностью понёс,
С ней закружился счастьем звонко,
В роскоши утопая роз.
Она к нему нежно прильнула
И ему в душу заглянула
Своей звенящей красотой,
Желанной, радостной, родной.
И они в счастье воспарили,
Касаясь лазури крыла.
Но высь их звала и звала
И солнечность в них поселила,
Даря им единство пути
В разливе людской суеты.
Они ж в этот миг ощущали
Красивой любви высоту.
Их чувства кострами пылали,
Постигнув её чистоту,
Которая в них растворялась
И мило друг в друге ласкалась.

VIII

Ну, вот надежда и свершилась!
Псалом поздравленья звучал.
Они в Церкви крепче сроднились,
Их батюшка там обвенчал.
А затем в машины все сели,
Которые в ленты одели,
И свадьба помчалась домой,
К Ивану бегущей тропой.
Там свадьба задорно плясала,
Коньяк разливался рекой
В компании очень большой,
Которая сердцем взывала
В танцах веселей кружиться,
Меж собой сильней сродниться.
Начнём, однако, всё сначала,
Представим слово молодым...
Вот Аня счастливая встала,
Обращаясь к новым родным.
Её было видно стесненье,
Души усладное волненье.

IX

Несмело Аннушка сказала:
- Позвольте дочерью вам стать.
И мамою свекровь назвала,
И подошла поцеловать.
Затем и к свёкру обратилась,
Глаза лучом весны искрились,
Его в ранг папы возвела,
Как дочка, нежно обняла.
И мать с отцом душой раскрылись,
И набежала вдруг слеза,
В сердцах растаяла гроза...
Они от счастья умилились,
Ласку Ане подарили,
Свою душу ей открыли.
Сделалось мило и свободно,
Бокалы стали наполнять,
И гости здесь сочли удобным
Влюблённым «Горько» прокричать.
И молодые гостям вняли,
С робостью целоваться стали.

Х

А потом Иван уж речь держал.
Он, как Аня, обратился,
И зять тестя с тещею обнял,
Словно сын с ними сдружился.
Они от счастья прослезились
И радостью вдруг засветились.
Речь сказал отец Ивана.
Был высокого он сана,
Но Пётр Петрович не гордился.
Сыночка очень он любил,
Хоть домой поздно приходил
(Ведь в министерстве он трудился),
Но сыну время уделял
И его честным воспитал.
Любовью и сын ему платил,
Душой к нему простирался.
Иван в согласии с отцом жил,
Он как с другом с ним общался.
Супруг с женою также ладил,
Её боготворил и славил.

XI

Вот и сейчас ей улыбнулся,
Глазами нежно поманил,
Вдруг в прошлое он окунулся
И трепетно заговорил:
- И мы вот с Ниной расписались,
Да только жаль - не обвенчались.
Тогда это запрещалось,
По-другому всё слагалось.
Ну а свадьба чудная была.
Хоть и холодный день стоял,
А нас теплом он согревал.
Когда Ниночка к нам в дом вошла -
Она счастьем напоила,
Нас любовью окружила...
Вот через много лет сегодня
Уж свадьба сына зацвела.
Дополнив дóма счастья гроздь,
Нас Аня сердцем обняла.
Её мы с Ниной полюбили,
Союз детей благословили.

ХII

Так хочется мне, дорогие,
Вам долголетия пожелать.
Пусть ткутся вам пути большие,
Где вы сумели бы летать
Легко, высóко, и крылато,
И радостно, и жить богато,
Родителей не обижать,
Нас навещать не забывать.
Теперь ведь вы у нас опора,
Единые для двух семей.
Милее нет вас и родней,
И ждём от вас мы внуков скоро.
Не оставляйте на потом,
Чтоб не жалеть нам всем о том.
Ведь жизнь без деток монотонна,
Безрадостна и не мила.
Хоть от проблем она свободна,
Не закружится голова.
Но жизнь такая смысл теряет,
Остуда в сердце прорастает

ХІІІ

- Я б мужа поддержать хотела, -
Вдруг Нина в разговор вошла, -
Чтоб вы заботой не болели,
Набор вам детский принесла:
Пелёночки и распашонки.
А чтоб всё в жизни было звонко -
Ане с Ваней «мерс» мы дарим.
И ещё мы вам желаем
Взаимной лаской согреваться,
Друг другу радости дарить,
Но бранью души не травить,
Любовью крепкой наслаждаться,
А с изменой не встречаться,
Чистой верой расстилаться.
Чтобы вам счастье полыхало,
Единение душ цвело,
Вас чтобы вечно согревало
Любви желанное тепло.
За это выпить всех прошу я,
За счастье, за любовь большую.

XIV

И за мир, чтоб нас он охранял
И ссорам не давал расти,
А любовью только бы ласкал,
Соткав лишь мирные пути.
И она «Горько» возвестила,
Гостей всех выпить пригласила.
Гости тут же поддержали,
«Горько» хором закричали.
Все выпили и закусили.
Андрей Петрович слово взял
И речь отцовскую держал,
Когда все смолкли и застыли:
- Ну что, друзья, я вам скажу.
Сердечком очень я грущу.
Ведь я привык Анюту видеть
В стенах родного очага...
Сватья, вас не хочу обидеть,
Но жизнь совместна нелегка.
Я по объявлениям всё ходил,
Для молодожёнов дом купил.

XV

Мы с Верочкой вчера решили
Дом этот детям подарить.
И с нею мы обговорили -
В нём стол хотим ещё накрыть,
И завтра свадьбу там продолжить,
И наши мысли подытожить.
Коль не понравится там жить,
То я прошу меня простить,
Но я старался всей душою.
Нам так хотелось угодить
И молодым сюрприз вручить,
Счастливой наградить судьбою.
Им ключи сейчас вручаю.
Молодым ещё желаю.
Чтоб звезда счастья им светила,
Дети радовали бы нас,
Чтоб никогда их грусть не била,
Огонь везения не гас.
За это выпить предлагаю
И слово я жене вручаю.

XVI

Вера Ивановна в волнение
На мужа взоры подняла,
В заворожительном стремленьи
И речь свою так начала:
- Я тоже счастья вам желаю.
Хотя, конечно, понимаю,
Наши дети молодые
И нам очень дорогие.
Но самим им трудно будет жить,
Ане надо ведь учиться.
Хоть не будет и лениться -
В магазины нужно же ходить,
Проблемы дома чтоб решить.
И в институт надо спешить...
Позвольте мне хотя б чуточек
Им ежедневно помогать.
Ведь жалко мне родную дочку -
Она же будет уставать.
И вмиг повянет наш цветочек,
Как серой осенью листочек...

XVII

Вдруг Вера резко речь прервала,
Горько заплакала она,
Из сумочки платок достала,
Застыла скорбно у окна.
- Ну что ты, Верочка, рыдаешь,
Сердечко болью надсаждаешь?!
Ведь вчера ты не сердилась
И со мною согласилась,
Что Аня будет жить отдельно,
С супругом станут жить вдвоём.
Сейчас ты просишь о другом,
Но им там будет ведь отменно.
Зачем, Вера, так терзаться?
Хочешь с ними ты остаться?
Поживи тогда у них чуток,
Коль не можешь ты смириться...
Когда же захочешь, мой дружок,
Сможешь в дом ты возвратиться.
Но жена громче всё рыдала,
Отпустить дочку не желала.

XVIII

И вновь Андрею стало больно,
За дочь и он переживал.
Всё ж дома ей жилось привольно,
Анюту сердцем он ласкал.
«А сейчас же муж её пленит
И от частых встреч с ней оградит...» -
Так вновь подумал наш герой.
Он снова потерял покой,
Опять тоска в груди взыграла,
Сердечко болью проросло.
Его сомнение взяло,
Да и печаль в душе лежала.
Жену свою он понимал
И Веру вовсе не ругал.
А вслух же, к свадьбе обращаясь,
Чтоб напряженье в людях снять,
Он, от волнения срываясь,
Продолжил речь свою опять:
- Друзья, я вижу, вы притихли.
Похоже, что душою сникли.

XIX

От речи Веры боязливой.
Но можно и её понять -
Жаль расставаться с дочкой милой,
Её ведь боли можно внять.
Она же Аннушку вырастила,
Любовью сердца напоила.
Но Иван вот появился,
Взял на Ане да женился...
Давайте ж, их мы вновь поздравим
И пожелаем счастья им -
Любимым деткам дорогим,
И выпьем, и их путь восславим,
И смоем с них печаль и боль,
А радости подарим соль,
Которая мудрость бы дала,
Их любовью окружила,
В них единением душ жила,
Ни на миг не уходила,
Чтобы теплее согревала
И негой лет бы их встречала.

XX

И свадьба снова оживилась,
Пошла накатанной тропой,
Вновь буйством шуток окрылилась
И бурной потекла рекой.
Но только мать Анюты сникла,
Хотя в суть речи мужа вникла.
Но тоска её давила,
Болью душеньку знобило.
Она печальная стояла,
Глаза на дочку подняла -
Счастливой Аннушку нашла,
В ней ликование гуляло.
Вера подумала тогда:
«Какая ждёт Аню верста?
В душе ж моей помимо воли
Остуды чувствуется след.
Случилось что же в моей доле?
В себе не слышу я ответ.
Всё томит сердечко маята.
Мне кажется, это неспроста.

XXI

Но только б горе не коснулось
Анюты, мимо бы прошло,
От Аннушки бы отвернулось.
Коль если уж оно пришло -
То лучше пусть в меня вселится,
А Анин дом - освободится.
Себя взамен её дарю
И никого не укорю.
Лишь только б дочь была счастливой,
Постигла б радостный разбег,
Ей стлался б умилением век,
Единой доченьке, любимой...
Что ж я, право, загрустила
И себя похоронила,
Так вся печалью изболелась...
Тоске мне ли предаваться?
За что на мужа сердцем взелась?
Надо быстро избавляться
Мне от такой хандры коварной,
Душевной боли очень странной.

XXII

Ведь Аннушка Ивана любит.
Он за неё горой стоит
И нежностью её голубит,
Как будто зорька к ней горит.
А не тот, что ухажёром мнил.
Фёдор в душу боль одну вносил.
Он Аню ревностью съедал
И не по-доброму взирал.
Его Аня не любила,
Лишь дружба школьных лет была,
Слов обещаний не несла,
Его надеждой не поила.
А он проходу не давал,
Частенько Ане угрожал.
Так безрассудством разливался,
Когда на танцы она шла,
Волною шквальной вздымался,
Коль разговор не с ним вела.
Но теперь как будто замолчал
И звонить с угрозой перестал».

XXIII

С души печаль Вера прогнала,
К супругу тихо подошла.
Затем ему она сказала:
- Тоска как будто бы прошла.
Мы, может быть, Андрей, не станем?..
Здесь свадебный шатёр расставим
И будем свадьбу продолжать,
А в дом не станем заезжать.
Или кафе, возможно, снимем
И там приятно посидим.
Давай, туда мы позвоним,
От дома свадьбу мы отринем.
Мне так не хочется там быть,
Душа чего-то не лежит.
- Ну, Верушка, как же такое
Придумать только ты могла?
Ведь там для нас уж всё родное,
Ты же согласие дала.
Теперь же ты всё отвергаешь,
Совсем другое предлагаешь...

XXIV

- Ну, хорошо, коль ты не хочешь...
Мой муж, согласна я с тобой.
Я вижу, до того хлопочешь,
Что истомился уж со мной...
Прости меня. Видать, устала.
С избытком я забот впитала
И так всё мучаю тебя,
Нисколько словно не любя.
Пойдём, мой сокол легкокрылый,
А то нас, верно, заждались.
Слегка уж гости разбрелись,
А мы всё здесь гуляем, милый.
Вера к мужу вновь прильнула,
Будто бы печаль задула...
И в дом зашли... А свадьба пела,
«Катюша» весело лилась.
Она так радостно звенела,
Крылатым хором разрослась.
И молодые песню дедов
Запели, радость слов изведав.

XXV

Напевшись, свадьба заплясала,
Баян волнующе играл.
Так к танцу музыка взывала,
Что даже Пётр не устоял.
Он Веру ловко в круг направил
И в такт частушкой сочной славил.
Сват лихо танец отбивал,
Что наш Андрей заревновал.
Тогда он смело в круг ворвался
И руки в стороны развёл,
Парил как горный он орёл.
С таким задором расплясался,
Что свою Веру вмиг отбил,
С ней в танце ловко закружил.
А сват не выдержал и сдался.
На помощь Ниночка пришла,
Его и друг спасать примчался -
Весёлость пляска обрела
И так задором сердце рвала,
Что бабушка не устояла.

XXVI

Лебёдушкой она парила,
Частушкой бойкой разошлась.
Ведь внучека она женила,
В конце концов - мечта сбылась,
Которую в душе ласкала,
К осуществлению взывала.
Ведь Ванюша осчастливил,
Её просьбу не отринул.
И, наконец, жёнушку привёл,
Статную и боевую,
Красивую, молодую.
Хоть через года, но всё ж нашёл...
Она сердцем ликовала,
В круг Анюту приглашала.
Но Аня очень застеснялась,
А вот Иван ворвался в круг.
Он пола словно не касался,
Так славно заплясал он вдруг,
Что Аня им залюбовалась,
Умением завосторгалась.

XXVII

Но день клонился уж к закату,
Всех тамада к столу позвал,
И пляски гулкие раскаты
Он постепенно умирал.
И вот за стол все вновь уселись,
Да звонко, весело распелись.
Молодые уж устали,
Взоры всё на дверь бросали.
Тамада вдруг громко объявил,
Собой очень уж игривый,
Смекалистый и пытливый,
Он новый адрес всем сообщил...
Гости расходиться стали,
Адрес свадьбы записали.
Наутро снова в воскресный день
Многие из них явились,
Под праздничную укрывшись сень,
Дружно гости веселились.
И вот уж три часа пробили,
А поздравлять всё приходили.

XXVIII

Незванный Фёдор вдруг явился,
К столу он смело подошёл.
Нисколько Фёдор не смутился,
Себя разнузданно повёл.
Налил стопку, затем другую
И дозу выпил он большую.
Себе ещё всё наливал,
Ему никто не запрещал.
Затем размашистым движеньем
Вдруг Фёдор пистолет достал,
Невесту взглядом отыскал
И со звериным наслажденьем,
Ногою опрокинув стол,
На Аню пистолет навёл...
И выстрелил... Но мать закрыла
Дочь, грудью бросилась спасать.
И кровь из ран ручьём забила,
И мать уж стала умирать.
Но перед смертью дочь позвала,
Анюте тихо прошептала:

XXIX

- Вот почему душа металась,
Всё так болела у меня,
И так вчера она терзалась.
Но дочка, я спасла тебя.
Прощай, прости, моя родная.
Моя Анюта дорогая...
Отца жалейте своего,
Не оставляйте одного...
Ко мне почаще приходите,
Я вас душой там буду ждать...
Вы не ленитесь поминать...
А сейчас мужа позовите...
Где столько мог он пропадать?..
Уж силы стали покидать...
И здесь Андрей вбежал поспешно,
Он уезжал вопрос решить.
И зарыдал он безутешно,
Желая Веру воскресить.
Её ж глаза навек закрылись,
А с мужем так и не простились..

Глава третья

I

У дочки шок. Отец весь в муке.
Вся свадьба быстро разошлась.
И о таком диком поступке
К народу новость понеслась.
А Фёдора - арестовали,
Допрашивать злодея стали.
Он, в бездну зла открывший дверь.
Был ошестиненный, как зверь.
Но мы пока его оставим,
О нём ни к месту говорить.
Нам надо к Ане поспешить,
Да и к Шерстнёвым мы заглянем.
Анюта там сейчас была
И слёзы горькие лила.
Над мёртвой матерью склонилась,
Безудержно её звала...
Да глубже лишь печаль ложилась,
Тропа несчастьем проросла
И хладным охватила взором
Души, наполненной укором.

II

Она себя во всём винила,
Здесь рядом и отец сидел.
Тоска его плитой давила,
Он отрешённо всё глядел.
Нещадно Андрей себя ругал,
Своё отсутствие проклинал,
Всё думал: «Если бы я был,
То я бы подлеца скрутил.
И не обрушилось бы горе,
К нам не явилась бы беда.
Я б не пустил его сюда,
Дочь не лишилась бы опоры.
Теперь как Аня будет жить?
Мне не к кому тропу торить...
Ведь дорога встречей не взрастёт.
Счастье руку не протянет.
Уже Верочка меня не ждёт,
Никогда не обласкает.
Зачем же мне теперь трудиться,
Коль путь несчастьем лишь ветвится?

III

Он мне не нужен с такой болью.
Я рядом с ней хочу лежать,
Чем одному в жестокой доле
Душой безудержно рыдать.
Я не смогу с женой расстаться,
К чему мне без неё терзаться?
Виновен сердцем перед ней,
И оттого ещё больней.
Ведь Вера так меня просила,
Чтоб свадьбу там не проводить.
Я ж не хотел ей уступить,
И в доме смерть её сразила.
Кафе б мог Фёдор не найти,
И смерть могла бы обойти...
Зачем поехал я поспешно,
Жену оставил я одну?
Спас друга б вечером успешно,
Пусть посидел бы он в плену,
В бандитских злобных заточеньях
И в их жестоких усмиреньях.

IV

Его я спас... Жену ж убили,
Навеки Верочка ушла.
В неполных сорок лет сгубили,
Она ж здоровьем так цвела...
Ах, Вера, помнишь, как мы в детстве
В усладном, сказочном поместье
Обещание давали?..
И друг другу мы сказали,
Что врозь и дня мы жить не станем,
Как лебеди лишь будем жить
И так же, как они, любить,
Вовек друг друга не обманем.
Коль одного смерть заберёт,
То и другой за ней пойдёт.
И чтобы вместе схоронили,
Чтобы в одном гробу лежать.
И сколько б вместе ни прожили.
Но клятву душ не нарушать.
Эту клятву, Вера, я сдержу
И к тебе, родная, поспешу...»

V

Он тихо встал. Пошёл неровно...
Нашёл верёвку у окна.
Сейчас решил он, безусловно,
Что жизнь уж выпита до дна.
В свой кабинет зашёл он смело,
Верёвку привязал умело,
Петлю на шею наложил,
Опору из-под ног свалил
И в воздухе повис неловко.
Раздался храп над головой
Посреди комнаты большой...
Вдруг Аня встала и торопко,
Почувствовав своей душой
Отца поступок роковой,
Дверь в кабинет рывком открыла.
На помощь громко позвала.
Сама же тело со всей силы
Удачно вверх приподняла.
Верёвка шею отпустила,
А здесь и помощь поступила.

VI

Андрея сняли. Положили...
И «неотложка» вмиг пришла.
Врачи заботой окружили -
Так доченька отца спасла.
С ним в «скорую» Аня села,
Врач ехать побыстрее велела.
Андрей Петрович хоть дышал,
Но в бессознание он впал.
Рядышком Аня с ним была,
Ни на миг не отходила.
Бога всё она молила,
К Нему прошение вознесла,
Господь её чтоб услышал,
Отцу сознание даровал.
И на колени она пала,
В молитвах слёзы всё лила,
Отца всем сердцем умоляла,
Скорей глаза открыть звала,
Чтоб силы воли он набрался,
От смерти лютой отказался.

VII

Отец в палате вдруг очнулся,
Поднял на Аню слабый взор
И Аниной руки коснулся,
В своей душе спрятав укор.
Вдруг зашептал: - Прости же, дочка,
Что до такой дошёл я точки,
Что добавил всем страданья,
Влил в тебя свои терзанья...
Но, Аннушка, не хочу я жить.
Боль, тоска меня съедает,
Несчастье убивает -
Аннушка, мне некого любить.
Сердце сильно так страдает,
До безумья истязает,
Что свет становится немилым.
Без жены моей любимой
Всё выглядит таким унылым...
К ней хочу неудержимо.
Доченька, ты отпусти меня.
Терпеть уж муки не в силах я.

VIII

- Папочка, о чём ты говоришь?
И какой ты смерти просишь?!
От неё, родимый, отрекись.
К чему душу ты неволишь?!
Меня ж вы с мамой породили,
Всё говорили, что любили.
Теперь ты меня бросаешь...
На кого же оставляешь?
Почему ты вздумал умирать?!
Подумай, я же твоя дочь,
Кровинушка твоя и плоть!
Так остановись! Не смей впадать
В сатанинское проклятье
С лиходейственной статьёю.
Один ты у меня остался.
Как буду жить я без тебя?!
Зачем от жизни отказался,
Куда бежишь ты от меня?!
Коль ты уйдёшь - и я завяну,
Ведь без тебя я жить не стану!

IX

Уж мамы нет. И не вернётся
Она к нам, папа, никогда.
Моя же в бездну жизнь сорвётся,
И в пекле будем мы тогда.
Терпи, такая доля пала...
Мучением нам путь устлала,
Постигнуть горе суждено,
Но жить должны мы всё равно.
Владыке надо нам молиться
И смыть с души великий грех.
Тогда Господь пошлёт успех,
Ты сможешь вновь, родной, трудиться.
Потерпи же, мой любимый,
Папочка ты мой родимый,
И внемли прошению дитя,
Отрекись от доли чёрной.
Я же, папа, так люблю тебя
В этой жизни очень сорной...
К нему на грудь она упала
И вновь безудержно рыдала.

Х

Отец обмяк. И покатались
Слезинки по его щекам.
Они надеждою светились,
Смиреньем к Аниным словам.
Он дочку ласково погладил
И мысль безумную отвадил,
В объятьях Ани застонал,
Наплакавшись, вдруг ей сказал:
- Анюта, ты вновь меня спасла,
Мою душеньку больную,
Вдохнув речь свою святую,
Прозрением сердце обняла.
Спасибо, Аня, я силён,
Терпеньем снова наделён.
До конца с тобою я пойду
В дождь, в метельную погоду,
И в себе я силушки найду
В штиль и в дикую невзгоду.
А за нашу боль я отомщу
И с лихвою с подлеца взыщу.

XI

Теперь пойдём... Томит усталость,
Пора давно уж на покой...
А за окном уже смеркалось,
Но тихо было под луной.
Приехали... И дверь открыли,
Перекреститься позабыли,
К матери скорбно подошли,
Свои к ней взоры возвели.
Вера лежала как живая,
В розах ярких утопала,
Крест в руках она держала,
К прощению грехов взывая.
Священник рядышком стоял,
Псалтырь он чувственно читал.
Над женою Андрей склонился,
В лоб Верочку поцеловал,
С тоской в душе перекрестился,
С усердием молиться стал.
Анюта вторила сердечно,
Прся для мамы своей вечность.

ХII

Всю ночь они с отцом молились,
Взывали к Господу душой,
С таким старанием крестились,
Чтоб путь у Веры был святой,
Чтоб мук она не ощутила,
А утешенье грудь поило,
Дорогу б в Царствие нашла,
Все мучения обошла.
Чтоб Вера сильно не терзалась,
Путь испытанья чтоб прошла,
Чтоб Божья милость обняла,
Тропа бы в вечность негой стлалась,
И в Царствие она вошла,
Чтоб Матерь Божья приняла
И душу в вечность поселила.
Ей там бы радостно жилось,
Чтобы во снах к ним приходила,
Где свидеться бы им пришлось.
Чтобы Господь им дал терпенье,
Души усладное смирение.

ХІІІ

А утром вновь народ собрался.
Со всех сторон к Шерстнёвым шли.
Всё путь прощаньем к Вере стлался,
И к гробу всё цветы несли.
Уж отслужили панихиду...
Зажав в комок слёзы обиды,
Аня молча всё стояла,
Сдерживалась, не рыдала.
И бледная, в наряде чёрном
Всё рядышком с отцом была
И крест вины своей несла,
Перед судьбой была покорной.
За отца она боялась,
Слёзы сдерживать старалась,
Но гроб когда уже стали брать,
Аннушка заголосила,
С мольбою к отцу стала взывать,
Чтобы мать не уносили.
Но был уж полдень... Гроб подняли
И выносить из дома стали.

XIV

Анюта громче разрыдалась,
Духом совершенно пала,
В прощальный час она сорвалась,
И сознание потеряла.
Врачи над ней засуетились,
Облегчить боли устремились,
Быстро помощь оказали,
В вену ей лекарство дали.
И Анюта в чувства вновь пришла,
К гробу матери припала,
Плакать горько снова стала,
Душою в стенаньях изошла.
От гроба Аню муж поднял,
Здесь рядом и отец стоял.
Они Анюту поддержали,
С двух сторон под руки взяли,
К могиле подойти не дали,
Когда в землю опускали.
Затем землёю гроб покрыли
И крест дубовый в холмик врыли.

XV

В столовой Веру помянули,
Народу много было здесь,
И по усопшей вновь взгрустнули,
Её квартал почти знал весь.
Домой вернулись - к стенам стылым,
Без Веры было всё уныло...
Андрей Петрович сердце сжал,
Всей горечью души сказал:
- Дети, как теперь мы будем жить?
Нет любимой с нами мамы...
Хотите - живите сами,
Лишь в гости станете приходять...
Иль ко мне перебирайтесь,
В этом доме оставайтесь.
Он ведь большой! Всем места хватит!..
Тот, что купили - пусть стоит...
По полкам время всё расставит,
Нас прозрением напоит...
Но если вы уйти хотите,
Об этом прямо мне скажите.

XVI

На мужа Аня посмотрела,
У Аннушки был грустный взор,
Она и спрятать не сумела
Тоску и давящий укор.
И с болью в сердце возвестила,
Свою всю душеньку раскрыла:
- Что ты, папа, как ты можешь,
Почему себя изводишь?..
Ты же самый лучший, папочка.
Отца прекрасней не сыскать,
О таком можно лишь мечтать.
Думаю, согласен Ванечка -
Нам вместе надо проживать,
Добрей тебя не отыскать.
Втроём уютно нам будет жить,
Я б иначе не хотела,
С тобою не так стану грустить...
Да и мама так велела...
Об этом, помните, сказала,
Когда вся в болях умирала?..

XVII

А Иван не знал, как поступить.
Жить у тестя не хотелось,
Но не мог и Аню огорчить,
Она много натерпелась.
И отца Ани было жалко,
Ведь одному ему несладко...
Решил всё же поселиться,
Печаль пока разрешится.
Родители не возражали,
Помочь хотелось им душой
Хоть малый обрести покой,
Переселяться помогали
Они им в этот дом большой,
Даруя образ им святой.
Сваты Анюту полюбили,
Особенно Ивана мать.
Они частенько приходили,
Стараясь лаской согреть.
Но боль никак всё не стиралась,
А глубже в сердце простиралась.

XVIII

Андрей Петрович на работе
Поникший, сумрачный ходил.
В какой бы ни был он заботе -
Домой пораньше приходил,
Анюте уделял вниманье
И радовался за старанье,
Которое дочь являла,
В делах ему помогала.
Училась Аня на «отлично»,
Во всём примерная была.
Она дела отца вела
И разбиралась в них прилично.
В радости и с мужем жили,
Ведь друг друга же любили,
Как голубята ворковали,
Светясь счастливою звездой,
Вниманьем сердца обнимали,
Пылая нежностью большой.
Но и боль в их душах всё ж была,
Та, что от рук Фёдора пришла.

XIX

Но Фёдора всё не судили,
Прикидывался он больным.
Всё за больничный лист платили -
Рассчитывались золотым.
Ведь был отец его богатый,
В словах и деле нагловатый.
Он очень много воровал
И капитал свой умножал.
Он миллионами ворочал,
Марк был подлец из подлецов,
Из криминальных удальцов,
И в главари себя пророчил.
Его многие боялись,
В открытую не сражались.
И Андрей Петрович его знал,
Но стороною обходил,
А теперь - с пристрастием искал.
Да всё пока не находил.
Но поклялся всё ж его найти -
За смерть супруги с земли смести.

XX

Шерстнёв умело путь наметил
К ответу Фёдора привлечь,
Но следователь не ответил,
Боясь сильней дело разжечь.
Андрей Петрович взялся смело
Дело распутывать умело.
Иван ему стал помогать,
В какой больнице мог лежать
Преступник этот лютый, скверный,
Где мог запрятаться наглец,
И чёрной зависти подлец,
И лжец, ехидна непомерный.
Наконец, Фёдора нашли,
Над ним меч мщенья вознесли.
В двадцатой он лежал больнице,
Вспоённый злобой негодяй,
В психиатрической темнице.
О Боже, поделом воздай
И дай ему всё по заслугам,
Тропы не сокращая мукам!

XXI

В больнице ж Фёдора признали,
Что невиновен он совсем,
И справки ложные слагали,
Которые давали всем.
В инстанции их направляли,
Враньё умело сочиняли,
И всё с диагнозом одним -
Что стал душевно он больным
И не может давать отчёта
Преступным действиям своим,
Направленным к чужим, родным,
Их делает не по расчёту
И не по умыслу, а так -
Ведь он безумный, он дурак.
А сумасшедших судить нельзя,
Коль нет у них совсем ума.
Дела такие, мои друзья,
Вконец вас в дебри завела.
Но ведь врачи всё так сказали
И делу ход иной тем дали.

XXII

Потому Фёдора признали,
Что он совсем не виноват.
А дело в сейф скорей отдали -
И вот такой вот маскарад.
Но с тем Шерстнёв не согласился,
Когда от сыщика явился.
Следователю он не внял,
Андрей путь правды всё искал.
Явился он к Фёдору домой,
Тот в кровати ещё лежал,
Себя покоем ублажал
После попойки очередной.
Шерстнёву дверь отец открыл,
И такое Марк сообщил:
- Андрей Петрович?.. Заходите...
Какой вопрос пришли решать?
Ах... Да... Меня, Андрей, простите...
За смерть я должен денег дать...
Веру с того света не вернуть,
Ведь всем оттуда заказан путь.

XXIII

Ну а денежки я вам сплачу...
Пятьсот тысяч, Андрей, хватит?
Они есть у меня на счету,
Завтра вам кассир заплатит.
И Андрей Петрович побледнел,
Обидчика он едва стерпел.
А хотелось ему влечь,
За хамство крепко отомстить.
Но, подавив гнев, Шерстнёв сказал:
- Я в долларах не нуждаюсь,
Но услуги - не чураюсь.
Вот партнёром вашим - я бы стал.
В делах плохо разбираюсь,
В вашей помощи нуждаюсь ...
Мукомольню бы хотел открыть.
Хлеб всегда в цене бывает,
В долю я желаю к вам вступить,
Сейчас время позволяет.
Чтоб производство нам наладить,
Дела свои скорей поправить...

XXIV

Под вашей крышей развернуться
И доход быстро приносить,
Вы не дадите мне свернуться,
Не будет прибыль уходить.
Мы богачами с вами станем,
Ни в чём ничуть не прогадаем.
Доход разделим пополам,
Ведь миллиарды светят нам...
Марк в этом мало разбирался
И плохо что соображал,
Но знающим воображал.
И быстро в сделку он ввязался,
Её с усладой подписал,
В капкан к Шерстнёву он попал...
Но Воробьёв развеселился -
Доволен сделкою большой,
Мышлением своим гордился
И своей бандой роковой.
Хоть бизнесмен Марк был не тонкий,
Зато бандит, грабитель стойкий!

XXV

А поутру, когда собрались,
И Марк дела все показал,
С Шерстнёвым долго совещались,
Воробьёв акции продал.
Он тем Андрею дал возможность
Убрать в делах заветных сложность,
Шерстнёву право дал решать
Себя в банкротство загонять.
Андрей Петрович был доволен,
Сияющий домой пришёл,
Уют сердечный в нём нашёл
И стол, яств экзотичных полный.
Он мило с Аней говорил,
Ивана он не раз хвалил.
Отец пылал, как летом роза,
Дочь необычность в нём нашла.
Её отца смутила поза -
В ней странность некая была:
В глазах, и жестах, и манерах,
Скупей лишь стал он в откровеньях.

XXVI

Выспрашивать Анюта стала,
Ну почему отец молчит.
Всё чаще дочка замечала -
Схитрить в делах он норовит.
А он отделялся шуткой,
Весёлой, яркой прибауткой,
Но правду ей не говорил,
Лишь глубже бизнесу учил.
Он знал, что время наступает,
Приходит уж весны пора,
Шумит задорней детвора,
Учиться Аня прекращает,
Диплом получит, наконец,
Доволен этим был отец.
Талант Анюты он остро зрил,
Видел ум её пытливый,
Дочь без устали отец учил
Бизнесу и в нём быть сильной.
Аня к коммерции клонилась,
Её тайны постичь стремилась.

XXVII

И вот уж май... Земля в цветенье,
Повсюду радости разбег.
Сады, луга - всё в умиление,
Всё наполняет счастьем век.
Но мы порой не замечаем
И своё счастье отдаляем,
В злобу дня бежим скорее,
С завистью живём теснее.
А там остуда нас сжимает
Весенней яркою порой,
Хватая цепкою рукой,
В мученья душу погружает.
И мы не видим белый свет,
Красу, сиреневый рассвет -
Всё то, что нам Господь дарует,
Нас окружая теплотой,
За зло творимое бичует
И к мысли всё ведёт одной -
Чтоб мы душою чище стали
И никого не обижали.

XXVIII

А мы с рожденья злобой дышим
И вовсе не цветём душой.
Счастливый путь себе мы ищем -
Усладный, а не роковой,
Да лютым гневом всё исходим,
Тернистый путь себе находим.
И не хотим мы понимать
В узду цель жизни надо брать,
Неотвратимой, быстротечной,
Даруемую нам судьбой,
Огромнейшей иль небольшой,
Терзаемой или сердечной...
Всё зло, заложенное в нас,
Всё то, что давит нас сейчас
Своей щемящею тоскою,
Желанья раскрывая путь,
Порою мыслию пустою,
Всё стонет от которой грудь.
И бьётся в клетке потаённой,
Своею злобою сражённой.

XXIX

Посеянной корыстью чёрной
И завистью души больной,
Богатством, славой опалённой
С порочной думою одной:
Разбогатеть любой ценою,
Хоть маленькой или большою,
И им дорогу усладить,
Себя в богатстве полюбить.
Но богатство, оно не вечно,
Во всём имеется предел.
Душа имеет свой надел,
И в нём живёт она сердечно.
Своей звенящей красотой
Тогда становится святой,
Когда душа добром сияет
И умилением цветёт,
Людей вниманьем одаряет
И к откровению зовёт.
Не так, как в этом вот романе,
Где Фёдор ткёт путь на обмане.

XXX

Этот обман мы вскроем глубже,
Порочности откинем шаль.
Но мой любимый, чудный друже,
Таится там души печаль.
Её мы вскроем чуть попозже,
Когда сказать всё будет можно.
И герои боль развяжут,
На неё они укажут
Своею жизнью усталой,
Остудой ткущихся ночей,
Всё зревших злобою огней,
Судьбой, дорогою бывалой.
Добро и зло в нас ведь вечны
В этой жизни быстротечной.
Но зла в иных чуть-чуть бывает,
Его стараются понять,
За боль других переживают
И им стремятся помогать.
Как Иван, который очень ждёт,
Когда же автор к нему придёт.

Глава четвёртая

I

А наш Иван?.. В ласке он живёт,
Хотя свадьба омрачилась,
Но всё же душа судьи поёт -
С Аней жизнь его сложилась.
Иван безмерно её любит,
Зарёй сердечною голубит,
Готов по жизни с ней идти
И крест её и свой нести.
Душа его огнём пылает,
Всё чувства зорькою горят
И всё сильнее согреть хотят.
Сердечко счастье услаждает
Ветвистой нежностью своей -
Нет Анечки ему родней.
Он всё без устали кружится,
Над нею как орёл парит,
Сильнее уж нельзя влюбиться -
Иван её боготворит.
Вот и сейчас душой сияет,
Анюте отдых предлагает:

II

Пойти в кафе иль на Крещатик
И с наслажденьем побродить,
Иль выпить там кваску ушатик,
Или вином себя взбодрить.
А май плескается разливом,
Сердечным, радостным порывом
Раскатисто он вдаль зовёт,
На крыльях счастья ввысь несёт.
Но Аня мужу улыбнулась,
Прижалась с нежностью своей,
Послав пучок любви огней.
Хотя немножко ей взгрустнулось,
Что всё ж гулять она не шла -
Учёба вновь её ждала,
Экзамены жена сдавала.
Читатель помнит, что она
Диплом с отличием получала
И всё трудилась допоздна.
Но муж не очень огорчался,
С ней Ваня рядом занимался.

III

Так дни бежали чередою,
Прошла экзаменов пора.
И жизнь, дарённая судьбою,
Несла раздолье серебра.
Оно звенело наслажденьем,
Души победным умилением,
Цветеньем ярkokрылых дней,
Могучей вольностью своей,
Желанием большой работы,
Реализации всех сил,
Всех тех, что ей отец вручил
В заветной, трепетной заботе.
Её к себе он замом взял
И обучать упорней стал.
Не щадил он возраст молодой,
Стал строже Аню поучать
До истины доходить самой,
Отлично производство знать
И самой балансы разбирать,
Их в уме как азбуку держать.

IV

Иван женою восхищался.
Он видел её острый ум,
Таланту Ани удивлялся,
Цветеньем её ярких дум,
Которые в ней так парили
И новизною всех пленили.
В жизнь она их воплощала
И проблемы все решала.
Любой работы не чуралась,
Во всё вникала глубоко,
Глядеть стремилась далеко
И истину постичь старалась.
Мужу часто помогала,
Своё мнение излагала
Как по ходу рассмотренья дел,
Так и в вопросах бытия,
Где Иван порою был не смел
И сомневался, хоть и зря.
Он видел в ней ума палату,
Души глубинные раскаты.

V

Иван Ане тайны доверял
И вводил в свои проблемы,
Иногда жену всё ж проверял,
Чтобы не вкусить измены.
Но Аня изменять не склонна,
Супругом полностью довольна,
Его любила всей душой,
Только ему была родной.
Сердечком Ваня ощущал
Чувств её святую нежность
И пленительную свежесть,
С ласкою Анюте угождал.
И жилось ему прекрасно:
Пылко, радостно и страстно.
Но тучка всё же набежала,
Уж зрела мощная гроза.
Она путь тяжкий предвещала –
Катнётся по нему слеза.
К судьбе уж горечь подбиралась,
Но лишь слегка пока касалась.

VI

Враги с Иваном не смирялись,
А он их множество имел.
Они отца его боялись,
Министра иностранных дел.
Он вдохновенно, ярkokрыло,
С энтузиазмом, не постыло
Вопросы сложные решал,
А взяток никаких не брал.
Был Куликов министром строгим,
Трудился в поте он лица
И видел насквозь подлеца,
Но бедным помогал он многим,
Со всей душою им служил,
Министр людей простых любил.
Эту честность и Иван впитал,
Он решал дела примерно,
И мундир судьбы он не марал,
За злодейство карал верно.
И давать взятки опасались,
Хоть иногда всё же пытались.

VII

И сегодня вновь к нему пришли
Просить, дело чтоб смягчили.
В двести тысяч взятку принесли,
Только б дочь не посадили.
А Иван, напротив, строже стал,
Преступным прошениям их не внял.
Угрожать они пытались,
Но ни с чем так и расстались.
Однако, злобу затаили,
Его задумали убрать,
Чтоб из суда дела изъять,
В которых банду обличили.
В обход ходатаи пошли,
Преступный путь они нашли.
Ивана решили вдруг убить
И киллера пригласили,
Убийце успели часть сплатить,
Чинно всё обговорили.
И план наметили кровавый,
Пронизанный лишь злой расправой.

VIII

Стал убийца за судьёй следить,
Исследуя его весь путь,
Пытаясь подробно изучить,
Как свечку жизнь чтобы задуть.
С утра до вечера обманно
И где открыто, а где тайно
Бесменно за судьёй ходил,
Его маршрут определил.
Судья сегодня задержался.
Так много накопилось дел,
А председатель заболел.
Вот почему он и остался.
Затем зашёл он в магазин
Купить Анюте апельсин.
И стал в машину уж садиться,
Как кто-то сзади подошёл.
Сумел убийца изловчиться
И пистолет к виску подвёл.
Бандит сесть в машину приказал,
А Иван растерянно стоял.

IX

По голове бандит ударил,
Иван сознание потерял.
Судью убийца не оставил,
Вмиг руки он ему связал,
Повёз Ивана в глушь лесную,
Далеко, в сторону такую,
Где б не смогли его найти
И не сумели бы спасти.
Ивана вытащил поспешно
И бросил наземь, как мешок,
Был у судьбы, возможно, шок.
Вот потому так и успешно
Сумел бандит в него стрелять,
В судьбу без промаха попасть,
И два раза выстрелил подлец.
Смертью кровь из ран забила,
И тогда лишь только, наконец,
Убиение прекратилось.
Бандит толкнул жертву ногою,
И был доволен он собою.

Х

И с утра к заказчику примчал,
Об исполненье доложил.
Денег много за убийство взял,
Да душу дьяволу ссудил,
Которая в геенну канет,
Мукою исходить там станет.
И никогда боль не пройдёт,
Все муки ада изопьёт:
Вонзится язвою безмерной,
Как зверь всё будет загрызать,
Острей свои клыки вонзять.
И пожалеет изуверный,
Что душу дьяволу продал,
Людей безвинных убивал.
Но будет поздно уже тогда,
Дьявол слово не нарушит
И втолкнёт в геенну навсегда,
Бездну мук в него обрушит.
Дьявол там станет повелевать.
Глубже в душу острый меч вонзять.

XI

Но ада киллер всё не видит,
Душою мёртв и озлоблён.
Он мир весь страстно ненавидит,
И медленно сникает он.
Кошмар всё видит за кошмаром,
Людей, величественных саном,
Которых он давно убил,
Ножом иль пулею сразил...
Убиенных зрил всё пред собой,
И, как правило, невинных,
Крепких, смелых, духом сильных,
Честных, любящих народ простой,
Как Иван, что всем известно,
Жить всегда старался честно,
А бандит за доллары убил.
За то, что судья не трусил,
Так безжалостно его сгубил,
Смерть бандитскую обрушил
И бросил в чащу его лесной
Валяться под вековой сосной.

ХII

И земле тело ведь не преда́л,
Договор свой не исполнил,
А доллары за него же взял.
Сон ему о том напомнил,
Который вдруг ему приснился,
Что киллер несколько смутился.
Но сон его не отпускал,
А в чашу леса вновь погнал.
Убийца вновь туда помчался,
Нашёл то место под сосной,
Дубок заметный небольшой.
Злодей нежданно испугался:
Ивана там он не нашёл.
Сто раз то место обошёл,
Кусты соседние облазил,
Упрямо там судью искал,
Все брюки в грязь и кровь измазал,
Той, что из ран судья терял.
Убийца паникой взыгрался,
В догадке страшной заметался.

ХІІІ

И подумал: «Вдруг Иван живой
И за мной уже следили?
Может, судью забрали домой
Иль в больницу положили?...»
В машину быстро сел убийца -
Закоренелый кровопийца,
Рванул к дому, Иван где жил,
Где некогда за ним следил.
Только в дом не стал он заходить,
У соседей решил узнать,
Чтоб душу правдой обласкать,
А чтоб подозреньем не смутить,
Он начал бойко говорить,
Душой лукавою просить:
- Ищу товарища Ивана,
Который где-то здесь живёт,
Судейского Ванюша сана
И жизнь семейную ведёт...
Ему ответили: - Он пропал,
На него в розыск отец подáл.

XIV

Бандит, унявшись, вмиг умчался,
Заказчику не сообщил,
Но вновь к убийству возвращался
И прошлое всё ворошил.
И думал он: «Куда ж девался?..
Живым Иван ведь не остался.
Судья же явно мёртвым был,
Ведь насмерть я его сразил.
А может, волки его съели?
Да нет же в этих их местах...
Смотрел поблизости в кустах,
Судьи бы кости там белели.
Возможно, кто-то и зарыл,
По-христиански схоронил».
Не мог найти подлец ответа.
Никто судью не находил...
Но теплилась крупинка света,
Надежды лучик восходил.
Под сердцем он у Ани грелся
И у родителей имелся.

XV

Ждала Анюта мужа долго
В тот вечер тёмный, роковой.
Знакомым всем звонила много,
Нарушив матери покой.
Родители заволновались,
Чуть свет в милицию собрались,
Но там ничего не знали,
Разыскивать судью стали
И все больницы обзвонили.
И министр силы все воззвал,
Друзей всех на ноги поднял.
Ответы всюду получили,
Что Куликова нигде нет,
Тускнел спасения ответ.
Судью в окрестностях искали,
В морг приходили, и не раз,
Ни в ком его не опознали.
Никто не знал, где он сейчас.
И мать от боли всё стонала,
И ночи напролёт рыдала.

XVI

От мук и Аня изнывала,
Всё мужа милого ждала,
Искать его не уставала,
Жена где только не была.
Но вести шли к ней чередою,
Все безутешные собою,
Горем в сердце оседали,
Душу болью разъедали.
Анюта бедная крепилась,
Справлялась с болью, как могла,
На помощь волюшку звала,
С убийством мужа не смирилась.
Его ждала она душой,
Как путник отдых и покой,
Верила, что Ванечка придёт,
Не мог бесследно он пропасть,
Обязательно его найдёт,
Всевышний радость ей подаст.
Иван несчастье разбросает
И скорой встречей обласкает.

XVII

К свёкрам частенько приходила,
Заботилась о них как дочь.
Надеждой Аня их поила,
И к ним являлась часто в ночь
Да ночевать там оставалась,
Облегчить долю им старалась,
Пылала сердца добротой,
Желанной, милой и родной.
Радушно там её встречали,
Светились яркою зарей,
Душе являющей покой,
Её вниманьем обнимали.
Порою плакали втроём
Всегда лишь с мыслью об одном,
Чтоб Ванечку быстрее встретить,
К груди сердечного прижать
И встречу радостью отметить.
Уж сколько можно так страдать?
Ведь третий год, как нет Ванюши,
Изъелись ожиданьем души.

XVIII

Но вот сегодня Аня дома
В ней грусть сердечная поёт,
Да уст коснулася истома,
В ней молодость весной цветёт.
Всё та же красота играет,
Всё так же нежностью пылает
Лазурь, разлитая в глазах,
Улыбка солнца на устах.
Степенность царственно сверкает,
Величием обнимает,
Прямо в душу проникает,
Залюбоваться заставляет -
Уж редкой больно красоты!
Гармония - до остроты!
А кудри золотого цвета
Распущены до самых плеч,
И кожа майского рассвета
Безудержно умеет влечь.
Всё в ней так мило, откровенно,
Зовёт к себе красой безмерно,

XIX

Что удержаться не сумела
И образ её вновь даю.
Ох, как счастливой бы хотела
Я видеть Аннушку свою!
Да нет. Опять она взгрустнула,
А радость вновь в себе задула.
Сидит бедняжка в выходной
Посреди комнаты большой
И сквозь слёзы на портрет глядит.
По мужу истосковалась,
Снова горько разрыдалась.
А Ваня смотрит... И всё молчит,
Взор с портрета лишь бросает,
Им Анюту обнимает.
Аня встала. И портрет взяла,
Его к сердцу приложила,
Да лишь глубже боль в неё вошла,
И она заголосила.
И так рыдала безутешно,
Взывая Ванечку сердечно.

XX

Разбитая, вышла на балкон
И вдруг Фёдора узнала.
А там же стоял у клёна он,
И не по себе ей стало.
Увидел Аню он мгновенно.
«Ведёт себя подонок скверно, -
Подумала она в тот миг, -
Хотя б скорее смерть постиг.
Меня садист ведь поджидает.
Какой же пакостный подлец,
Закоренелый он стервец!
Ну как такое вот бывает?!
Убийца, явный ведь бандит,
А вот в тюрьме всё не сидит!
И хватает наглости опять
К моему дому подъезжать,
И с таким цинизмом вот стоять,
На мои окна всё взирать!
Обо всём ему сейчас скажу,
Я убийства мамы - не прощу».

XXI

Из дома быстро Аня вышла,
Как ястреб взор метнула свой,
Но, поостыв немного, сникла,
Подумав: «Он же впрямь чумной!
Какой же взгляд его колючий,
Наполнен злобою дремучей.
Но нет, не струшу я сейчас.
Момент удобнейший как раз».
И смело быстро подошла,
Спросив: - Вы чего хотите?
Зачем часто здесь стоите?!
Я же вас, убийца, не звала!
Вам надо ведь в тюрьме сидеть,
А не на окна здесь глазеть!
Вы не смейте больше приезжать,
Уж терпенья не имею!
Меня прекратите истязать,
Я же вас убить сумею!
Идите прочь, подлец, преступник.
Вы дьяволу и друг, и спутник!

XXII

Анюта резко развернулась,
Хотела быстренько уйти,
О ноги Фёдора споткнулась,
Опору не смогла найти.
Её наёмники схватили
И руки быстренько скрутили,
Ловко к Феде подтолкнули,
Вмиг машину развернули.
К Днепру поехали поспешно,
Найдя обрывистый утёс,
Где дуб роскошно в небо рос.
Устроились на пир неспешно,
Накрыв богато стол едой,
Вино плескалось рекой.
И полдень праздником раскрылся.
Преступник весело взирал,
К наёмникам он обратился,
Лукавым голосом сказал:
- Позвольте нам здесь пообщаться,
Кой в чём с Анютой разобраться.

XXIII

Продолжил: - Так вот всё случилось...
Да, я, конечно, виноват,
Во мне всё омутом взбурлилось,
Заколыхалось, как набат.
Я не хотел... Прости за боли,
Что их рассыпал в твоей доле.
Верь, покоя я не знаю,
Непрестанно всё страдаю.
Без тебя, Анюта, свет не мил,
Я стал затравлен, словно зверь.
Ты мне, любимая, поверь,
Что я сам себе давно постыл.
Ты прости, дай утешенья,
Дай душе моей спасенья.
Четвёртый год мне нет покоя,
Изныла раненая грудь,
Я выткал путь себе изгоя,
И нет мне места отдохнуть.
Прошу, согрей меня собою,
Своею яркою судьбою.

XXIV

Твоего мужа ведь убили...
Уж третий год его как нет,
Но киллера не посадили,
И слышал я его ответ.
Он мне признался откровенно,
Как расстрелял его отменно.
Он дважды в голову стрелял
И убил явно наповал.
Услышав, Аня побледнела,
Глаза безумьем налились,
И мысли страшные взвились.
Из кобуры она сумела
Достать убийцы пистолет
И стала требовать ответ,
Чтоб негодяй во всём признался,
Ей только правду бы сказал.
Наёмник сзади вдруг подкрался
И ловко пистолет отнял,
Да и быстро Фёдору отдал,
А тот в злобе ярой заорал:

XXV

- Так ты меня убить хотела?
Я ж про любовь тебе шептал!
Жизнь тебе, стерва, надоела?
Так смерть сейчас тебе подам!
Ты что подумала, «родная»,
Что ты и впрямь мне дорогая?
Но ненавижу я тебя.
Не относился я любя,
Тобой душа не полыхала,
И не могла ты волновать.
Тебя не стал бы я искать,
Предметом спора б коль не стала.
Тебя я в карты проиграл,
Тем жизнь твою к себе воззвал.
На тебе должен был жениться
И непорочность твою снять,
Но жаль, в то время я лечился,
Не мог тебя в свой плен я взять.
А когда время подоспело,
То ты меня не захотела.

XXVI

Теперь силой я тебя возьму,
Обязательство исполню,
Рученьки покрепче завяжу
И натешусь тобой вволю.
За тобой я так устал ходить
И насмешки от друзей сносить.
Им столько наркоты отдал,
Что исполнение отдалял...
Сейчас, друзья мои, глядите,
Как брызнет молодая кровь
И в ней уснёт моя любовь.
За маскарад мой не судите,
Что всё прощения просил,
Зато я вас повеселил.
Но я артист, видать, никчемный,
Коль Анька спёрла пистолет.
Чуть не остался я сражённым
И не покинул белый свет.
Итак, свой суд я начинаю,
Несчастий кубок выливаю!

XXVII

И он мгновенно, одним прыжком
Возле Ани оказался,
Перед нею засверкал ножом,
Изуверством наслаждался.
И за волосы её схватил,
На кулак их крепко свой навил.
Аня явно растерялась
И почти не защищалась.
На землю бандит её свалил
И стал удары наносить,
Безумства проявляя прыть.
С наслаждением Анюту бил,
Потом надсадно целовал.
Одежду он на ней порвал,
Затем ножом стал грудь ей резать,
В траву он ножик положил,
Акт половой пытался сделать,
Минутою он этой жил.
Но вдруг Анюта изловчилась -
Откуда силушка явилась?

XXVIII

И ударила его ногой
Прямо в пах со всею силой.
Она ухватила нож рукой,
Стремясь взор сгубить злобливый,
Но наёмники подоспели,
У неё нож отнять сумели.
Вскочил Фёдор и погнался,
Догнать Аню он пытался.
Она к дереву подбежала,
Чтобы дубинку там схватить
И ею Фёдора сразить.
Схватила. Грозно закричала.
К убийце стала подходить.
Удары, целясь, наносить.
Но пятился подлец к обрыву,
Желая сбросить Аню вниз.
Жалкой души его порывы,
Обрыва хрупок был карниз.
Он целился из пистолета
В Анюту против солнца света.

XXIX

Анюта без страха к нему шла,
Глаза гневом засверкали.
Дух мщения в них она несла,
И в них грозы полыхали.
И силой местность напоила,
В ней воинственность пробудила.
Ей дуб ветвями помогал,
Как мог, Анюту защищал.
Берёзки сердцем встрепнулись,
Все помогали ей листвой,
Ане и клён не стал чужой -
Природа с ласкою к нейгнулась...
Фёдор целился упорно,
Злость гуляла в нём просторно.
И курок дрожащей взвёл рукой...
Выстрелил... Но лишь поранил.
Он теснить Анюту стал собой,
Вновь на край обрыва ставил.
Вдруг оступился... И сорвался,
Летя, об камни ударялся.

XXX

И Фёдор у вод Днепра лежал,
Окровавлен... Весь побитый...
И глазами жизнь в себя вбирал,
Только путь к ней был закрытый.
Он предсмертный к небу взор возвёл -
Нигде прощения не нашёл...
Душа в муках зарыдала,
Боль саднящая настала...
И в ней погас лампадный свет -
Тот, что нам Господь вручает,
С добротой нам посылает,
А мы злобностью даём ответ.
В нас она во всём витает,
Нашу душу в ад ввергает.
В плену тела часто мы живем,
Его зовы исполняем,
Нашу душу в пропасть отдаем,
Вечности себя лишаем.
Конечно, нам трудно устоять,
В узде смиренья себя держать.

XXXI

И Фёдор не таким родился,
Он милый был и не бандит.
С душою в детстве он трудился,
Потом его стал труд знобить.
Желанье мать с отцом отбили,
Так слепо Федю возлюбили,
Всё подарки покупали,
Но к труду не приучали.
Тем душу сына загубили,
Совсем не думая о том,
Что мера быть должна во всём.
Они ж бездельем наградили,
Распущенность подарили,
Свет лампадный не вручили.
Откуда ж свет в нём возгорится,
Коль нет лучины доброты?
Отец с бандитами сроднился,
Там злобой вытканы версты.
Сына жестокостью обвесил -
Да так, что мир ему стал тесен.

XXXII

Теперь бездыханный он лежит
В гробу с яркими цветами.
С ним убита горем мать сидит
С заплаканными глазами.
Конечно, её как мать ведь жаль,
Такая уж в ней сидит печаль,
Что боль ей душу изведёт,
Иль в Церковь путь она найдёт
И грехи там будет искупать,
У Бога прося прощенье.
Чтоб послал Он облегченье,
И познал бы Фёдор благодать.
Господь, возможно, и простит
И ему милость подарит.
Но долго надо ей молиться,
Усердно к Богу припадать.
И отцу нужно бы креститься,
Добром и правдой процветать.
Да где там - он бандит отпетый,
В коварство страшных дел одетый.

XXXIII

После смерти сына Марк поник,
С водкой чаще стал общаться.
Всё серее становился лик,
Как скрыть боль он ни старался.
Ведь единственный сынок же был...
Хоть Фёдор работу не любил,
Но Марк надежду возлагал,
С запозданием поучал,
Надеялся, что пора придёт -
Сын работою прозреет
И рассудком поумнеет,
И помощника он в нём найдёт.
Всё теперь кому оставит?..
Свадьбу пышную не справит...
Ведь нет ни сына и ни внучат,
Тоска, боль лишь донимают.
И в нём чувства добрые молчат,
Но смятенья набегают.
Каялся, зачем добро он дал,
Чтобы судью киллер убивал.

XXXIV

«Смерть, возможно, в дом бы не вошла,
С Анкой сын бы не подрался,
Дорога бы в пропасть не свела,
Живым Фёдор бы остался...
Ведь я столько киллеру сплатил,
А горе всё же не победил...
Но судья ж мог дела раскрыть,
Меня в тюрьгу посадить...» -
Так думал Воробьёв порою,
В свой уходя преступный мир.
Так добротою был он сир,
И так жесток был Марк душою,
Готов партнёра был убить,
Лишь выгоду не упустить.
И всё к Шерстнёву он цеплялся,
Счета не раз Марк проверял,
До сути всё ж не докопался,
Но недоверье проявлял.
Видел, что дочь он подключает,
Анноте акции вручает.

Глава пятая

I

Шерстнёв до боли сил старался,
Дела любил как пчела мёд,
День ото дня обогащался,
Доход имел - в десятки сот.
А однажды день такой припал,
Что миллионом его обнял.
Андрей средств много накопил,
Их в банки разные вложил,
Он и в городах счета открыл.
Шерстнёв повсюду их имел.
В России даже счёт сумел
Открыть, его в тайне он хранил.
В дела те Аню посвящал,
Но мало кто об этом знал,
Что всех счетов она хозяйка,
И зрел уж целый миллиард.
В ней гения росла смекалка,
И был отец Аняте рад.
Но душу деньги ей не грели,
Ванюшу взоры зрить хотели.

II

Ведь чувствовала, что жив Иван,
Где искать, Аня не знала,
Придумала необычный план,
Выполнения час возвала.
Ясновидца начала искать,
Стремилась в разных местах бывать,
Много троп исколесила,
Но вопрос не разрешила.
Вот однажды в Монастырь зашла
С душой, горестью стонавшей,
Много болюшки познавшей,
Там молиться сердцем начала.
Просила Бога ей помочь,
Что терпеть больше уж невмочь.
На коленях залилась слезой,
В тоске к Богу припадая,
Всей своей душевной глубиной
Аня Бога умоляла,
Чтоб Господь Ивану помогал,
Чтоб час свидания с ним настал.

III

Всю службу Аня простояла
И вся в прощении была.
Потом с колен устало встала,
Тихонько к выходу пошла.
Но Анюту вдруг монах позвал.
Он без объяснений ей сказал:
- Здесь вы ищите напрасно,
Говорили душой красно,
Ходите в Лавру вы святую,
Там мужа и найдёте вы,
Горят где Господа огни.
Помяните и мать родную.
Затем словно потерялся,
В ушах голос лишь остался.
Анюта очень растерялась
И не смогла она понять,
Как ему боль её позналась,
О том хотелось услышать.
Но сколь монаха не искала,
Лишь глубже тайна покрывала.

IV

На крыльях словно в дом явилась
И рассказала всё отцу,
Острее надеждой оживилась,
Прониклась верой к мудрецу.
И к Куликовым побежала,
О случившемся рассказала...
Сладко было и отрадно,
Но несколько всё же странно...
И на следующий день втроем
Они Лавру посетили,
Взволнованы очень были,
Лишь в сердце с думою об одном,
Чтоб Ваню в Лавре отыскать.
Он, может, будет там стоять.
И все пещеры обходили,
Поклонившись святым мощам,
И за ворота выходили,
Но Вани не было и там.
Уже к вечеру пошли домой
Грустные, с измученной душой.

V

Но на следующий день пришли,
Вновь к святым душой припали,
Свечу перед Богом вознесли,
С верою молиться стали.
Но Ваню всё ж не повстречали,
Хоть в Лавре много дней бывали.
Уж сомненье поселилось,
Но надежда всё ж светилась...
Анюта каждый день ходила,
Сегодня к вечеру пришла,
Когда уж звёздочка взошла,
И потому она спешила.
Всех нищих быстро обошла,
Всем подаянье раздала.
Но когда в Лавру уж спускалась,
Мельком увидела она:
С трудом женщина поднималась,
Она была обожжена.
А рядом с нею шли мужчина
И кареокая дивчина.

VI

Анюта зорче посмотрела
В глаза мужчине с бородой,
В нём мужа своего узрела,
На шею бросилась: - Родной!
Ах, как же долго я искала!..
И, наконец, вот повстречала.
А он ей в очи посмотрел,
Жену признать в ней не хотел.
- Ванюшенька, мой ты дорогой!
Ты где так долго пропадал?!
И что как вкопанный ты встал?!
Желанный мой, ну что же с тобой?..
Аннушка к нему припала,
Целовать Ивана стала.
А муж смущённо озирался,
Взгляд опустил, потом поднял.
Своей жены Иван чурался,
Ведь он её не узнавал.
Анюта горько разрыдалась,
Сквозь слёзы Ване улыбалась...

VII

- Что ты стоишь такой понурый?
Ванюшенька, ну что с тобой?
Твой взгляд, как тучка в дождик, хмурый.
Не рад что ль встрече ты со мной?! -
Но Иван по-прежнему молчал
И что Аняте сказать, не знал.
Он чувствовал её душой,
Любуясь дивной красотой,
Всё ж Аняту лаской не обнял.
Взор его горел вниманьем,
Но пропитан был страданьем.
Напрягая память, он сказал:
- Простите... Я вас не знаю,
Совсем не припоминаю...
Никакой жены я не имел...
Разыграть меня хотите?
Только у меня другой удел...
Со мной так вы не шутите,
Вместе с ними я давно живу,
Долюшку другую не зову...

VIII

Они от ран меня лечили,
Голубили меня во всём,
Меня как брата полюбили,
Не отказывая ни в чём.
Я им спасением обязан,
Хоть очень памятью наказан...
Аннушка поняла тогда,
У него с памятью беда.
Жена сердечная взгрустнула,
Но всё же счастлива была -
К ней зорька в душеньку вошла,
Печаль надсадную задула.
И расспрашивать лишь стала,
Их домой к себе позвала.
Ей незнакомка рассказала
Всё без утайки, до конца,
Как Господа она взывала,
Владыку, нашего Творца,
Когда узнала злодеянье
И непомерное страданье.

IX

И дальше женщина сказала,
Как некогда в лесу была,
Она грибы там собирала.
А уж когда луна взошла,
Их перебирая у окна,
Услыхала выстрелы она.
Сердце страшно встрепенулось,
Будто на огонь взметнулось.
Боль сердце быстро заполняла,
Его давила как плитой.
Измучилась она душой,
Тогда отца Надя позвала
Пойти на выстрел огневой
И взять фонарик небольшой,
Чтобы осветить опасный путь,
Который болью полыхал,
Спокойствием не давал вздохнуть,
А к месту горя направлял.
По лесу они недолго шли
И мужчину этого нашли.

Х

- Нам показалось, он не дышит.
Залито кровью всё лицо,
Нисколечко он нас не слышит -
Сражён безжалостным свинцом.
Но ниже всё же наклонилась,
Я на колени опустилась,
За рученьку его взяла,
И пульс в руке его нашла.
Отец носилки соорудил,
Их из пледа быстро сделал,
Тяжесть горечи изведаль
И на них мужчину положил.
Его с отцом мы понесли,
Осторожно всё время шли.
Раненый в дороге застонал -
Обрадовалась всей душой.
Коль голос, подумала, подал,
То, значит, будет он живой.
Мы дома ранушки обмыли
И травами его лечили.

XI

Без сознания долго он лежал,
И мы не знали, как нам быть,
А отец лечить всё продолжал,
В «Скорую» не хотел звонить.
Ведь он сам когда-то врачевал,
В Афганистане когда бывал...
Пред тем, как жить в лесу, он стал,
Горя много отец познал...
Он с мамой жил в Афганистане,
Она работала врачом,
Любила часто вечером,
Усевшись мило на диване,
Склонивши голову слегка,
Читать Толстого, как всегда.
Мама и Пушкина любила –
Начитанной была женой.
Красотою отца пленила,
Он ног не чуял под собой.
На крыльях счастья всё к ней летел
И любовью пламенной горел.

ХII

Однажды «дúхи» к нам ворвались...
Кромешный ад в доме настал...
Отец с мамой сопротивлялись,
Но в маму «дух» ножом попал.
Потом они, злодеи, стали -
Прошеньям матери не вняли -
Все похоть дикую справлять
И изуверства проявлять.
Та дикость и меня коснулась...
Мне было лишь двенадцать лет...
Померк от боли тотчас свет...
А мама так и не очнулась...
И после этого... Потом
Меня облили кипятком...
Так вот почему такая я,
Безнадёжно обожжена...
А это Наташа, дочь моя,
От тех мучений рождена.
Душманы и отца пытали,
Из кожи ленты вырезали.

ХІІІ

Потом мы в госпиталь попали,
В нём много дней пришлось лежать...
А маму ангелы забрали...
Мы лишь смогли с могилки взять
Ту землю, горечью покрытой,
Да боли, душенькой испитой.
А отца комиссовали...
Должности ж ему не дали...
Со скорбью в Киев мы явились
Вдвоём, без денег, без родни,
Лишь были горюшка полны.
Но многому уж научились...
Живём мы много лет в лесу,
Соткав смиренья полосу...
И уж новый дом отец срубил,
И начал путь другой вести.
Заново судьбу он возродил,
Стал к Господу отец идти.
Трудом он Лавре помогает,
Для аптек травы собирает.

XIV

Рядышком и я с отцом тружусь,
Порой дочка помогает.
Посещать я Лавру не ленюсь -
Там усладно мне бывает.
И ваш супруг частенько ходит,
Успокоенье в ней находит.
Жаль, что память всё подводит,
Ничего Иван не помнит.
Он имени своего не знал...
Его Костей мы назвали,
Имя деда отца дали,
А теперь Ванюшей снова стал.
Вновь он радостью взовьётся,
Счастья душенька напьётся...
Про всё сказала Надя сердцем,
Трепетности была полна,
Открыла Ане в тайны дверцы,
Испив печаль судьбы до дна...
Узнав, Анюта прослезилась,
На Надю чуть ли не молилась.

XV

Вмиг свекрови всё сообщила,
Та не поверила ушам.
Мгновенно к Ане прикатила
Стрелой по киевским верстам.
Со страхом в сердце позвонила,
Дверь в волнении отворила.
Сына вмиг она узнала
И на грудь ему упала.
И со слезами закричала:
- Ванюшенька! Сыночек мой!
Мой ангелочек золотой!
Ох, как же я, родной, страдала!
По тебе вся изнывала,
Так без конца тебя ждала!..
Наконец-то мой сокол сизый
В светлицу нашу залетел.
Мой ненаглядный сын, любимый,
Тебя обидеть кто посмел?! –
И мать слезами заливалась,
В них радость с горечью мешалась...

XVI

А вскоре и отец явился,
И крепко сына он обнял,
Как солнце, радостью светился
И счастьем сердца ликовал.
Ванюшу дружно окружили,
Своей любовью так пленили,
Что Иван будто прозревал,
Но всё же их не узнавал.
Он лишь в смущении горевал,
Аню ласкою не тешил,
Видно было, что опешил.
В муках память Ваня напрягал,
Но вдруг он резко побледнел,
Стал белым-белым, словно мел,
И начал медленно он падать.
Отец Ивана подхватил,
С борьбою чувств не смог сын сладить,
О прошлом память не явил,
И в бессознание Иван впал,
А затем чуть слышно застонал.

XVII

Врача министр пригласил тотчас,
Но не знал и врач, что делать.
А Иван не открывал всё глаз,
О себе не мог поведать.
Врачи консилиум собрали,
Новинки мира предлагали.
Им Ваню было очень жаль,
Хотелось смерти снять вуаль,
Но он лежал всё без сознания,
На белый свет он не глядел.
Что в голове Иван имел,
Какие пытки и страдания?
Никто дознаться не сумел,
Ну а каждый помочь хотел.
Главврач с Германией связался,
Светилу мира позвонил,
Но озабоченным остался,
И он проблемы не решил.
И все охвачены волнением,
Метались в плену мученья.

XVIII

Потекли томительные дни,
Он не приходил в сознание.
Не светили радости огни -
Ткались горечью страдания:
Ведь Иван больной, в бреду лежал,
Изредка лишь тяжко он стонал,
Иногда дочку Нади звал,
Её Натусей называл.
Но чаще всех просил Максима -
Так радостно и так светло,
И по-родственному тепло,
Отца то Нади было имя.
В лес за ним гонца послали,
Что спас Ване жизнь ведь знали.
Максима с радостью встречали,
Ему как старший брат он был,
Его с надеждой очень ждали,
Максим Ивана ведь любил...
За больным как врач он наблюдал,
Из трав лекарства ему давал.

XIX

И часть врачей спорить не стала,
Хоть смутно верила ему.
Такого практика не знала
И по пути не шла тому.
Но после трав больной очнулся,
К руке Максима прикоснулся,
Но стонать тяжело стал он вновь.
Вдруг в голову взметнула кровь,
Лицо багрянцем всё покрылось,
Пот стал бежать с него ручьём,
Пульс учащённо бился в нём,
Но чудо дивное свершилось –
Он начал Аню вспоминать
И Нину мамой называть.
А припомнить сразу всё не смог,
Но память явно ожила,
Ивана прошила словно ток,
К восстановленью повела,
К воскрешению его судьбы
И подальше от большой беды.

XX

Вдруг киллера он вспомнил образ,
Глаза зловещие его,
До сорока примерно возраст,
С ним роста был он одного.
И память труд весь осветила,
И о работе возвестила.
Дела припоминал свои,
Они на мысли навели.
Но всё же не понял он тогда,
Почему убить решили,
Путь такой ему ссудили,
Хоть мысль и мелькала иногда,
Но всё ж ответа не дала
И чёткой, ясной не была.
Киллера решил Иван найти,
Все свои связи подключил.
И чтобы до истины дойти,
Он мир бандитский исходил.
Но лишь заказчики прознали.
То сразу киллера убрали.

XXI

Не могли они ему простить,
Что судья живой остался,
И решили в тот же день убить,
Чтоб судья не докопался,
Истину бы не сумел раскрыть
И преступников разоблачить.
Но доля делала дела,
Ивана к свету всё ж вела.
Повсюду о нём пошла молва,
Легенды стали вдруг ходить,
Вовсю завистников плодить.
Говорили лестные слова,
Иван их мало разделял,
Суть этих слов он понимал.
Он знал, кому обязан жизнью,
Кто за него к Богу взывал,
Кто не поверил горькой тризне,
И кто его и как спасал.
Поклялся дела Иван раскрыть,
За мученья Ани отомстить...

XXII

Ведь ему Аня рассказала,
Как измывались над ней
И как заложницею стала
Она садистов-дикарей,
Как изуверствовал и Фёдор,
Этот подлец, бандит и лодырь,
Как её в карты проиграл
И на утёсе как пытал...
А ты же помнишь, мой читатель,
Как зверски Фёдор Аню бил?
Едва её там не убил.
Но не сказала я, приятель,
Какой Аня путь познала,
Как с утёса убежала,
И как она домой добралась
К себе в тот тёплый вечерок.
Как скрыть перед отцом пыталась
Тоски размотанный клубок.
Но разве скроешь, коль наглядно,
Так выглядела Анна странно.

XXIII

Едва Анюта дверь открыла,
Как отец сразу увидал,
Какая боль Аню давила,
К тому ж синяк большой зиял.
И платье порвано повсюду,
И как дышала Аня трудно.
Кровь из ран её сочилась,
И головушка кружилась.
Анюта присела на кровать,
Скорбно на отца взирая,
Губы горестно сжимая,
И вот-вот готова зарыдать.
Отец к ней быстро подошёл
И жар в её руках нашёл,
И на теле раны увидал.
Он тут же пригласил врача,
Чтобы быстро помощь оказал.
И позвонил он сгоряча
В милицию. И те явились,
Над протоколом вмиг склонились.

XXIV

Со слов Анюты записали,
Какую боль пришлось терпеть,
И возмущаться тут же стали:
Какой же Фёдор был подлец.
Она живой чудом осталась,
Ей милость Господа являлась,
Её, невинную, спасла,
Ключи от счастья ей дала.
Христос послал ей путь везенья,
Чтоб Аннушка могла бежать,
И не смогли её догнать.
У подлецов было стремленье
Её в заложницах держать,
А от себя не отпускать.
Она ж домчалась до дороги,
Такси свободное там шло.
Анюта быстро села в «Волгу»,
И это вновь её спасло,
Так как таксист домой доставил,
В несчастье Анну не оставил.

XXV

Закончив слушать речь Анюты,
Составив чёткий протокол,
Распутав Воробьёва путы,
Оставили свободным стол.
Затем следователь поспешно,
Чтоб доказать по делу вещно,
Все снять побои приказал,
Чем Аню несколько смущал.
Только суть он дела не раскрыл
И вглубь его не стал вникать,
Боялся жертвой банды стать.
Чей сын, в конце он сообразил,
И дело Фёдора закрыл.
В архив всё ж папку положил,
Там написал: несчастный случай
С Воробьёвым произошёл.
Он якобы стоял над кручей,
А под ним камень отошёл,
Тот, что Воробьёв на нём стоял.
С ним Фёдор внезапно вниз упал...

XXVI

Иван, придя в суд на работу,
Уж силы он восстановил,
Затеял зоркую охоту,
Дотошно дело изучил,
Вскрыл преступленья Воробьёва.
Познав, какого Марк покроя,
Привлечь решил его к суду.
Уже всё было на ходу,
Но вдруг Воробьёв в момент пропал.
Никто не знал, где мог он быть,
А Марк решил молву пустить.
Что бандитов жертвою он стал.
Они уши наострили,
В набат быстренько забили,
Поняли, Воробьёв попался.
- Нас может всех он заложить.
Да на какой ляд Марк нам сдался?
Давно пора его убить...
И киллера к нему послали,
Высокую оплату дали.

XXVII

Под утро киллер затаился,
Он Воробьёва поджидал.
Лишь Марк из дома появился -
Стрелять в него убийца стал.
Его охранники прикрыли,
Зло руки киллеру скрутили
И пристрастно так пытали,
Что заказчика узнали.
То был главарь отпетый очень
По кличке Яростный Король.
Дарил безмерную он боль,
Наотмашь бил со всей он мочи,
Был первокласснейший боксёр,
Зачинщик кровожадных ссор.
Марк Воробьёв его боялся,
Но всё же Марк себе сказал:
«Коль он убить меня пытался,
То значит, уж конец настал.
Поэтому надо в бой вступать,
Некуда теперь мне отступить».

XXVIII

Как коршун Воробьёв в охоте
К добыче когти наострил,
Острее зрит на повороте,
Без устали над ней вскружил.
Но жертва знает свою силу
И тешит сердце своё мило,
Играючи порой бежит,
Да этим лишь себя бодрит.
Но слегка главарь переиграл,
Чуть не стал в плену «героя»,
Одержал всё ж верх в разбое.
И бандит бандита в лапы взял,
И по-звериному терзал,
Огнём, ножом его пытал.
И так Воробьёва допекал.
Что Марк аж в обморок упал,
А главарь всё глубже боль вонзал,
Закон звериный воплощал,
И в ранах на ремнях подвесил,
Удар боксёрский вновь отвесил.

XXIX

А затем воды в лицо плеснул,
На раны бросил злобный взгляд,
Вновь милосердием не блеснул,
Был зверству этому он рад,
Своей победой наслаждался,
Силою зла всё упивался.
Он знал, что Яростный Король
Повсюду должен сеять боль,
Ведь таков был принцип главаря:
За смерть лишь смерть, за кровь же кровь,
Убив понятие «любовь».
И на честь и совесть несмотря,
Но достичь бы только цели!
А недавно вместе ели
Они с Воробьёвым шашлыки,
И главарь хвалил за дело.
Поделив бандитские вершки,
Целовались, песни пели.
Ныне в смертельный бой вступили,
В себе всю совесть истребили.

XXX

За промах Марка добивает,
Кичась жестокостью своей,
И в раны уксус он вливает,
Чтобы врагу было больней.
Воробьёв подумал: «Какой зверь...»
Перед смертью бедный Марк прозрел,
Чуть слышным голосом сказал:
- Ты многих так же убивал,
Лежит в этом и моя вина,
Во всём тебе я помогал,
Твоею жертвой теперь стал.
Испиваю боль свою до дна...
Ведь сам я тоже убивал
И жертв своих я не прощал...
Спрашивается, зачем я жил,
Так сатанизмом одержим?!
Я богатство только лишь копил,
Был болен им всю жизнь одним.
К чему оно, коль смертью веет,
Спасти меня ведь не сумеет...

XXXI

Я тоже в злобе всё купался,
И в жертву сына я отдал,
А Фёдором не занимался,
Добро ему не прививал.
И он садистом стал жестоким
С таким убийственным пороком...
Ведь он отъявленный подлец,
Ему я дал такой венец,
Поскольку и сам такой носил.
Злой, жестокий и коварный.
Путь всё стлал себе обманный,
И на нём я сына загубил.
Его сбросил в бездну ада,
Не вручил цветенье сада.
Добром никто его не вспомнит...
На пытки Фёдор обречён,
Лишь зло навек его запомнит,
Грехи уж не искупит он.
А в этом я - отец - виновен,
Которыми и сам так болен.

XXXII

Я весь коварством так пропитан,
Что крови лишь оставил след,
Хочу, чтоб голос был услышан -
Души, её лампадный свет,
Сейчас который взволновался
И с раскаянием обнялся...
Прости, главарь. Я друг ведь твой,
С меня обиду свою смой.
Возьми всё то, чего ты хочешь,
Меня, Артём, не убивай,
В бездонность мук и адский край
Не направляй... И ты ведь можешь
Дать искупления мне путь,
Чтоб смог с любовью я взглянуть
На всех людей, что окружают,
У них прощенья попросить,
Пусть о добре моём узнают,
Которое смогу явить.
Я хочу грехи свои изжить,
Спасением душу напоить,

XXXIII

Своим дальнейшим повеленьем
Все муки сына искупить.
Хочу с открывшимся смиреньем
Об этом Господа просить.
Быть может, Бог меня услышит,
И будет путь прощеньем вышит.
Тогда и сына я спасу,
Из ада душу вознесу...
Главарь не знал, что и сообщить,
Таким его он не видал
И от него не ожидал,
Чтобы душу мог так осветить
Раскаяньем и смиреньем,
И сердечным испрошеньем.
Как будто и ёкнуло в груди.
Мягкость в сердце заглянула,
Осветила светом изнутри,
Милостью к нему прильнула...
Артём сказал, чтоб не пытали,
Бить Воробьёва перестали...

XXXIV

Затем с Марка и цепи сняли,
И стали раны обмывать,
Заботливо забинтовали,
Лекарства начали давать.
Его удобно положили
И с ложки супом покормили.
Но видно, время уж прошло,
И много кровушки ушло...
Марк Воробьёв стал задыхаться,
По телу дрожь сильней пошла,
Бандита в плен она взяла.
Он до утра лежать остался
В мученьях жгучего огня,
Порой в сознание приходя.
А утром будто легче стало,
Надежда жизни обняла.
Но сердце биться перестало,
И смерть навеки забрала...
Его как надо схоронили
И с сыном рядом положили...

Глава шестая

I

Слух о том, что Воробьёва нет,
В кругах быстро разносился.
Многие не знали, в чём секрет,
Всё думали, что Марк скрылся.
Но Андрей Шерстнёв о смерти знал,
Возле гроба он его стоял.
Видел избитое лицо -
Убийство было налицо.
Шерстнёв взгрустнул. И жалко стало
Вдову, что горести полна,
Стояла сникшая она.
Он помнил, Тоня как, бывало,
Вся словно розочка цвела,
Красотою к себе звала...
Теперь ни сына и ни мужа,
И денег нет, и счёт пустой,
Лишь гложет сердце её стужа,
И крыши нет над головой.
И Тоне решил Андрей помочь,
В том и Анюта была не прочь.

II

Шерстнёв взял Тоню на работу,
Он ей сердечно помогал,
В её делах ей дал свободу
И бизнес в Тоне пробуждал,
Учил в расчётах разбираться,
Совершать сделки не бояться,
И своих часть акций ей дал,
Беде её душою внял.
И честно дело Воробьёва
Он на неё всё перевёл,
Андрей порядок в нём навёл.
И упрекающего слова
В её он адрес не сказал,
Лишь строго делу поучал.
Антонина словно ожила,
Вновь радостью воспарила,
Стену зла она разобрала,
В пропасть, наконец, свалила.
И без конца она молила,
Чтоб сына Анечка простила.

III

Анюта видела терзанья,
Тоску, саднящую печаль,
И сердца пытки, и страданья.
Ей Тоню всё же было жаль,
Которая боготворила
Её и Ане говорила
О своих бедах и делах,
О сыне и о странных снах.
Вот и сейчас она Анюте,
Лаская взором, словно мать,
Желая трепетно обнять,
Одной лишь ей на целом свете
Свой сон хотела рассказать,
Но всё не знала, как начать.
- Вот... - начала она тревожно, -
Меня ты, Анечка, прости.
Тебе, мой дивный ангел, можно
Свой сон вчерашний донести?
И, получив согласие Ани,
Она присела на диване.

IV

И, волнуясь, стала говорить:
- Во сне сына вновь видала.
Фёдор просил, Аннушка, простить...
И чтоб я тебе сказала
Всё о том, как плохо ему там,
Ходит он по огненным местам,
Предают его там пыткам,
Палят раскалённым слитком.
И вижу, как мечом пронзают,
От боли криком он кричит,
А дьявол злобно лишь глядит.
Под резцы руки подставляют.
Нещадно режут на куски,
Капусты словно лепестки.
Затем их в кипяток бросают
И варят, будто для еды.
На этот ад душа взирает,
Над ней взял сатана бразды,
Он душу мучает безмерно.
Там, Аня, столько зла и скверны...

V

Дьявол куски мяса достаёт,
На скелет их одевает,
Палкою жестоко по ним бьёт,
Сразу тут же оживляет.
Вижу дальше, Аннушка, во сне,
Как подходит Фёдор вдруг ко мне,
Пытается меня обнять,
Предо мной на колени встать,
Но дьявол грозно отгоняет,
В пламя Фёдора бросает,
Ноженьки ему ломает,
Затем на цепь его сажает.
Сынок в муках весь исходит
И покоя не находит.
Как в самом страшном он кошмаре,
Там кровь рекой кругом бурлит,
И всё горит как на пожаре,
В нём криком душенька кричит.
Боль ни на миг не отпускает,
В геенну глубже погружает,

VI

Туда, где жало мук острее...
Там сна ни капли не дают.
Нет ничего уже больнее,
Когда живым в огне пекут...
Там сделалось мне очень страшно,
Ведь так там было всё ужасно,
От страха начала кричать,
В обморок стала я впадать...
Вдруг Фёдора я снова вижу,
Он силится всё подойти,
Во мне спасение найти.
И голос плачущий я слышу:
«Ты, мамочка, меня прости
И помоги мне обрести
Хотя б минуточку покоя.
Молись... И Аннушку проси,
Пусть не клянёт в душе изгоя.
Ты свечи к Богу вознеси...
У Ани попроси прощенья,
Ей расскажи своё виденье...

VII

Пусть она простит меня за мать,
Раскаиваюсь я душой,
Уж не в силах в пытках изнывать,
Пусть с сердца снимет камень мой.
За мой грех помолится Отцу,
Нашему Спасителю, Творцу.
Возможно, Бог меня простит,
Покоем душу наградит.
Будь, мама, Аннушке родною,
Её люби ты словно мать,
И научи её прощать,
К Анюте относись с душою...»
Потом, Аня, я проснулась.
В море скорби окунулась,
Мне покоя муки не дают...
Анюта, страшно... Как же быть?
Мучения Фёдора грызут.
Я, Аннушка, молю простить...
Милостью распахни ты сердце,
В прощенье, Аня, раскрой дверцы...

VIII

Смутило Аню откровенье,
И стало страшно ей от сна.
В ней ярко цвёл букет смиренья,
Но призадумалась она.
Сон покрывал её печалью,
Но он не шёл вразрез желанью
Прощенье Феде подарить,
Боль Антонины утолить.
Помочь ей Фёдору хотелось.
Быть может, это вещий сон,
На мысли всё наводит он.
Сердечком Ане не терпелось
Взметнуться чистой волной
Над её душенькой больной,
Тонюшки разделить стремленье
И милостью к груди припасть,
Чтоб подарить душе спасенье,
Прощения изведав сладость...
И проторить дорогу к Богу,
И дать свободу сердца слогу.

IX

Ей Аня мило улыбнулась,
Простёрла руки к небесам,
Любовью всей она взметнулась,
Дав тем урок прощенья нам...
От счастья Тоня прослезилась,
Перед иконой закрестилась,
К Богу сердцем припадала,
Как зорянушка сияла
Она надеждою сердечной,
Что может с сына снимет боль
И смоеет с ран мучений соль,
Не будет истязанье вечным.
Господь услышит и простит
И пытки ада сократит...
Антонина Аню обняла.
Радостью вся засветилась,
Груз ведь самый тягостный сняла -
Солнце в душу поселилось,
Надеждою грея без конца,
Подарив лампадный свет венца...

Х

По дому счастье загуляло,
Входило в каждый уголок,
Зорянкой в души проникало,
Отца же грело лишь чуток.
Андрей страдал всё за женою,
За своей Верушкой родною,
По ней он очень тосковал,
Во сне её к себе всё звал.
Но женщины в него влюблялись,
А он всё мимо проходил,
От их свиданий уходил,
Хотя они завлечь старались
И сети ставили порой
В беседах милых под луной...
«Но кто впитал любви однажды
Всем сердцем девственный порыв,
Едва ль бросаться будет дважды
В её безудержный разлив», -
Так думал наш Андрей печально,
Вбивая в сердце грусть буквально.

XI

Быть может прав... Ведь всяк бывает...
Его не стоит нам винить.
Андрей своей тропой шагает,
Желая в бобылях ходить.
Его Анята понимала,
Печаль душою разделяла.
Но сегодня сердце пело,
В высь небесную летело
И так ветвисто рассыпалось,
Пыталась муженьку сказать,
Ванюшу новостью ласкать.
И нетерпение так рвалось,
Что не выдержала она,
Вся светозарности полна,
И на работу позвонила.
С нарастающим волнением
Мужу милому сообщила,
Что измучена томленьем...
И вдруг папой Ваню назвала,
Ведь ребёночка она ждала.

ХII

Счастливее на земле нет дней,
Коль любовь благоухает
И крылатостью души своей
Продолженье посылает,
Что в детях мило расцветает,
Но строже быть к себе взывает,
Вживаясь прочностью корней
В дом расширением семей.
Всем этим нам усладу дарит,
Цветя сердечностью своей,
И мы становимся сильней.
И это чувство нас ласкает,
Сверкая радостью детей,
Мосты нам строя попрочней.
Но от нас зависит, как пройдем
Через реки ожиданья -
Чувство в них великое спасем
Иль взрастим для них страданья?
Мы за детей своих в ответе
На этом дивном белом свете.

ХІІІ

Но если, ты мой друг, не склонен
Понятье это разделить,
То в выборе всегда ты волен,
Можешь по-своему решить.
Но всё ж задуматься обязан,
Ведь механизм у нас разлажен.
Гуляет столько в мире зла,
И так беда нас обняла,
Что ею лишь себя изводим,
Яркою не горим звездой
Мы в этой жизни непростой,
А боль по сути все находим
И ткём дела свои тоской,
Да дополняем суетой.
О смысле жизни забываем,
Нам для чего Бог жизнь даёт,
Мы в суть её не проникаем,
Частенько в нас печаль поёт.
И мы спешим в тоску, в тревоги,
Уюту оббиваем ноги.

XIV

Но вот Анята не такая,
Она сверкает чистотой,
Быть может, не совсем святая,
Да светится своей судьбой
И ко всем распахнута добром.
С супругом мечтает всё о том,
Чтоб здоровым сын родился,
Он душою бы светился.
К Господу дорогу чтоб торил,
Был желанным и красивым,
Чтоб собою сын был милым,
И делами в вечность восходил,
И светозарным чтобы был,
Людей всем сердцем возлюбил.
Чтобы всю жизнь в добре купался,
Нёс честный, праведный ответ,
Беду людей понять старался,
Даря душе лампадный свет,
Нежность от которого цветёт
И в небесный ясный путь ведёт.

XV

Так до утра вдвоём мечтали
Они в счастливой тишине,
Глаз совершенно не смыкали,
Паля усладой в вышине.
Иван как море волновался,
Анюте мило улыбался,
Душою был безмерно рад,
Так умилением богат,
Что Анюту с вихрем всё кружил,
Так восторженно ликуя,
Глубиною чувств балуя.
Всё на свете сразу позабыл:
И кручины, и печали,
Что его нещадно жали.
В одночасье счастье расцвело,
Которое долго ждали,
И, наконец-то, оно пришло...
И супруги ликовали,
И так шалили, и плясали,
Что радость лишь к утру уняли.

XVI

А утром весть всех оббежала,
Желанная ко всем вошла:
В Андрее радостью взыграла,
И свёкров счастьем обняла,
И всех сердечностью ласкала,
Им души сладко умиляла.
Тоня также ликовала,
Когда новость ту узнала.
Она к Анюте сердцем льнула
И была рада, словно мать,
Желая ласкою обнять.
Ведь Аня жизнь душе вернула
И научила понимать,
Большое горюшко унять.
К ней Тоня голову клонила
Всей благодарностью своей
И к ней любовь в себе носила,
Она была ей всех милей.
Но если не считать Максима.
Читатель, помнишь это имя?

XVII

Максим старательно трудился,
Святую Лавру посещал.
Ведь многому он научился,
Когда отшельником уж стал.
Но жизнь его вдруг изменилась
И к счастью чутко накренилась,
В сторонушку его души.
Дни стали милы, хороши,
Максим сердечком озарился,
Он своё дело вновь нашёл,
Когда к Шерстнёвым в дом пришёл,
Ведь у него Иван лечился.
Максим известен очень стал,
Народ тропу к нему искал.
Его в госпиталь пригласили,
Там предложили врачевать,
Справедливость восстановили,
Вновь свой талант он мог являть.
Квартиру на Подоле дали,
Концепцию его признали.

XVIII

Парить Максим стал легкокрыло,
Хоть боль давила по ночам,
Но не было уж так постыло,
Гляделось весело очам
Туда, где воздух и просторы,
Где не грызут ничьи укоры,
Туда, где синь и тишина
Дают испить любви вина,
Которая б взбодрила волю,
Источала бы ясный свет
И укрывала б мир от бед,
Ласкою окрылила б долю,
Врываясь в розовый рассвет,
Там находя на всё ответ.
И там бы в небе восходила,
Свободною душой паря,
И свет лампадный находила,
Горящий ярче, чем заря.
Всей сутью ищем его в жизни,
Ведь есть же он в нашей Отчизне!

XIX

И Максим видел тот свет не раз
В шквал и мрачную погоду.
Этот свет желанный его спас,
Заслонил собой в невзгону,
Да так, что мыслить всё заставил.
Максим подумал: «Мало славил
Дающую мне благодать
И Миротворца силу, власть,
Которая меня укрыла,
А в бездну сбросить не дала,
На путь спасенья привела,
Мне милость сладкую вручила...
Но мы упрямо вниз бежим,
Остановиться не хотим.
Когда давить нас горе станет,
То прозреваем мы душой.
Но чаще всё-таки бывает,
Не видим меч мы над собой,
Который бес на нас обрушит
И мукой душеньку иссушит.

XX

Укрой, Господь, меня от боли,
Бог, защити меня от мук,
Пошли всем страждующим доли
И уничтожь навек недуг,
Чтобы они душой прозрели,
И в честь Тебя бы гимны пели,
И за хлеб благодарили,
Тебя сердцем возлюбили.
Чтобы приходили в Храм святой
Твои Заветы исполнять,
Молитвой Бога прославлять,
Чтобы стал Ты им, как мне, родной,
Чтоб сердцем злобой не цвели,
Друг другу счастье бы несли,
Чтоб нивы сказочно шумели,
В душе соловушка бы пел,
Любовь друг к другу чтоб имели
И путь чтоб к Господу звенел...» -
Но вот Максиму вновь взгрустнулось,
Прошедшее в нём встрепенулось.

XXI

Он снова вспомнил свои муки,
Когда в бессилье изнемог,
То наложить пытался руки -
Так угнетал нависший рок.
Но всё ж его что-то держало,
Решенье злое покидало.
Жалость к детям пробуждалась,
Боли снять с души старалась.
И Максим истерзанной душой
Тогда всё думал об одном,
О самом горестном, больном:
«Что же сделали с моей судьбой?
Дочурке жизнь перевели
И внучку мукой обожгли.
Старушка-мать тоже вздыхает,
Работает весь день-деньской,
Ей лишь Надежда помогает,
В тринадцать лет став вдруг седой.
А я кормилец, да прикован,
И духом, и здоровьем сломан.

XXII

Как мне дочь и внучку поднимать,
Изгнать горести, печали?
Как же научиться мне вставать,
Ноги чтоб меня держали?
Вот десять лет уже пытаюсь,
Всё беспрестанно упражняюсь.
Я руки до крови растёр.
Но не хожу всё до сих пор...» -
Так говорил Максим, вздыхая,
Судьбу несносную кляня,
Себя и всех других виня,
В тоске и боли изнывая.
Хоть вставать он всё ж пытался,
В бездну мук опять срывался.
А мать молиться предлагала,
Сердито он в ответ смотрел,
Она ж икону подавала,
Чтоб духом сын её прозрел.
Но он икону в гневе бросил,
Да, видать, боль сильнее набросил.

XXXIII

Не мог руками он держаться,
Воды не мог даже испить,
От жизни начал удаляться,
Но мать решил всё ж пощадить
И выполнить её желанье,
Исполнить сердцем послушанье.
Он стал Евангелие читать,
Молитв святыню изучать.
И боль незаметно с рук сошла,
Руки стали подчиняться,
Стал тихонько подниматься,
Ещё сила малая была.
От боли криком он кричал,
Порой сознание терял,
Но всё же уверовал душой,
Усерднее стал молиться,
Не было уж ночи ни одной,
Чтобы не перекрестился:
О помощи к Богу всё взывал,
Руки к Нему свято простирал.

XXIV

И вот однажды друг приехал,
Максим с ним в армии служил,
На «Жигулях» во двор заехал,
Он помощь другу предложил.
Свой метод подсказал лечиться,
На пасеке чтоб поселиться,
Жить вместе среди трудяжек пчёл,
Поставить там лечебный стол.
Друг его в Киеве проживал,
Где самый древний рос каштан,
Имея дивный стройный стан.
А в лесу друг пасеку держал,
И домик был там небольшой,
Где лес хранил его покой.
И Максим жить в домике том стал,
С ним и Надя пребывала,
Отец чтобы духом там не пал,
Над ним дочка хлопотала.
Максим стал ядом пчёл лечиться
И их укусов не страшиться.

XXV

Он много яда в спину принял,
Усердно ноги растирал.
Максим лечение не отринул -
Да всё по-прежнему стонал.
Друг и костоправов приводил,
Долларов им много заплатил,
Они вниманье уделяли,
Только болюшку не сняли.
Максим всё так же не мог ходить,
Но друг его не покидал,
Других лекарств всё доставал
И упрямей продолжал лечить.
Из трав настойку приносил,
Максима пить её просил.
Больной же не сопротивлялся,
Хотя и горестно вздыхал,
И сам себе помочь старался,
Пути решения искал.
Он ежедневно упражнялся,
До боли адской занимался.

XXVI

Вот вдруг змея к нему забралась
И на тахте уют нашла,
Там до утра лежать осталась,
А утром тихо уползла.
Но вечером опять пробралась,
Хвостом, как веточкой, игралась.
Максим заметил вдруг её,
Набросил тряпку на неё.
Но она успела укусить,
Спину остро боль пронзила.
К отцу дочка поспешила,
А он рану попросил промыть,
Но вначале то место вскрыть
И спиртом не щадя смочить.
А ночью ноги вдруг вспотели,
Потом и сыпь по ним пошла,
И пятна красные зардели,
Ноги судорога свела.
Но всё ж больной не растерялся,
В большом спокойствии держался.

XXVII

И Максим из трав лекарство взял,
Что сам для себя он сделал,
Сильно ноги растирать им стал,
Грусть-печаль свою развеял...
Ведь ноги стали подчиняться,
Тихонечко передвигаться,
Затем лучше пошагали,
Стойкость прежнюю poznали.
Максим без боли уж стал ходить,
Травы глубже изучая,
В тайны каждой проникая,
Ими начал он людей лечить...
Друг пасеку ему вручил,
С домиком вместе подарил.
Ведь Максим когда-то его спас,
Он вынес из пекла смерти,
Ранен был хотя и сам в тот час,
Не был за него в ответе.
Но, не жалея последних сил,
Из огня он друга выносил...

XXVIII

С тех пор в лесу стал он с дочкой жить
Жизнью совершенно новой.
Стали к ним за травами ходить,
Подышать зарёй сосновой.
Надежда как-то ободрилась,
Не так изъяном тяготилась.
Зимой свечи они лили
И их в Лавру относили,
А отец и рамы делать стал.
Максим без дела не сидел,
Заказов множество имел,
Денег за них много получал,
Начал матери помогать,
Красиво внучку одевать.
Наталья часто к ним являлась,
Бывала летом и зимой,
Всё духом новым насыщалась
Своею юною душой.
А мать во всём ей помогала
И свою радость не скрывала.

XXIX

Как орёл Максим наш воспарил,
Радостно цветком раскрылся.
Господа всей сутью возлюбил,
С Ним теперь навек сроднился.
Внученьку он в Храм свою ведёт,
Нередко и с дочкою идёт,
Всё кается, что так дерзил -
Тропку к Владыке не торил.
«Теперь, слава Богу, я прозрел
Своей измученной душой.
Какой же был я всё ж пустой,
Что поверить в Бога не хотел!
Мог давно бы излечиться,
Если б Богу стал молиться...» -
Так думал наш Максим печально,
Пока Надежда не пришла...
А дочь вошла... И так усладно
Отца беседой обвила.
И сердобольно говорила,
Печали душеньки открыла,

XXX

Что опыта всё не хватает,
Ошибки делает она.
Главбух ей очень помогает
И объясняет всё сполна,
Её отчёты проверяет,
Расчёты делать доверяет.
Знаний только маловато,
Поэтому сложновато...
Надя ж работает у Тони,
Она к себе её взяла,
Должность бухгалтера дала,
Вот отчего дела ей новы,
Хотя и учится она,
Заботами напоена...
Надежде нравится учиться,
Труды учёных постигать,
Душою так она стремится
Всю бухгалтерию познать,
Что напролёт всю ночь читает,
Под утро только засыпает.

XXXI

А утром вновь бежит с усладой
Она в рабочий кабинет,
С большою делает отрадой
Расчёт и на него ответ,
Порою Тоня дополняет.
Затем партнёру направляет.
Тоня ж с помощью Андрея
От праздника Маковея
Уж стала полная хозяйка,
Благодарна душой ему,
Как спасителю своему.
У Антонины есть смекалка,
Во всё старается вникать,
Глубиною ума пронзать.
Путь Андрей не перекрывает,
Тоню ценит за доброту
И как партнёра уважает,
Лишь чуть бранит за простоту.
Ведь бизнес картой той играет,
Весь ход которой простирает.

XXXII

Работники ж её любили,
Старались душу всю вложить.
И им отлично всем платили -
Умела Тоня труд ценить.
Иным учиться помогала,
Свои им средства отпускала,
Кадры бойкие растила,
Всех их сердцем возлюбила.
И за Надю перечисляла
На институтский она счёт,
И чёткий с ним вела расчёт.
В делах, как надо, управляла,
Доброты пример являла,
Нищим деньги раздавала.
Сотрудники все восхищались
Её чистейшею душой,
Терпению Тони поражались,
Трудились крепко над собой -
На неё походить хотелось,
Чтоб в них, как в Тоне, честность грелась.

XXXIII

Надя особенно старалась
Облегчить Тони тяжкий воз,
Ей как сестре помочь пыталась,
Даря цветенье милых роз,
Которые благоухали,
Небесным заревом взмывали
И светозарностью цвели,
И нежность, и любовь несли.
Горений столько сладко-жарких
В её плескалося груди,
Путь освещался впереди
Сил неистраченных и ярких,
Чистотой что полыхали,
Ждать сердечности устали.
Но всё ж... Надежду они нашли
И её теплом обняли,
Радостью в душе её взошли
И, как в детстве, обласкали.
Хоть к жизни вкус уж притупился,
Горячей кровью обагрился.

XXXIV

Ты ж не забыл ведь, мой читатель,
Как в детстве мучили её...
Я знаю, помнишь, мой приятель.
Душой скорбишь ты за неё,
Что изуверство проявили
И кипятком так обварили,
Извращения творили,
Акт насилья совершили.
С тех пор Надежда жить боялась,
В тринадцать - мамою была,
Сплошных несчастий крест несла,
Себя болезненно стеснялась,
Своей заветнейшей мечты,
Испепелённой красоты...
Да вот судьба вдруг обласкала,
Лишь в тридцать два согрела кровь,
Ей радость дивную послала -
Надежду, веру и любовь,
Которые горят спасеньем
И расцветают умиленьем.

XXXV

Ведь Тоня в ней души не чаёт,
Её судьба к ней привела,
Во всём Надежду выручает,
Вот и хирурга ей нашла.
Он осмотрел, сказал смущённо:
- Наде пластику сделать можно.
На Кубе есть специалист,
Доброжелательный, речист,
Талант, работает умело
И сделать сможет хоть сейчас,
Я сообщу ему о вас.
Можете ехать к нему смело...
Надя очень оробела
И ответить не сумела.
Но Тоня в разговор вступила,
Достойной радости полна,
Расчётный счёт обговорили,
Куда перечислять должна.
Надежда к вечеру узнала,
Что ей поездка предстояла.

XXXVI

Надежда вот уже на Кубе.
Она боится и дрожит,
Хотя в палате чисто, любо,
И врач по-русски говорит.
Он ей степенно разъясняет,
Как бы на подвиг вдохновляет,
Что сможет выдержать она,
И боль ей будет не страшна...
Вот день операции настал,
Как лист Надя трепетала,
Незаметно в дрёму впала.
Поскольку ей врач лекарства дал,
То Надежда не боялась,
От лекарства расслаблялась.
Операция долго длилась,
Медленно пересадка шла,
И кожа нехотя ложилась,
Куда рука её вела...
Затем Надю забинтовали
И горюшко её убрали.

XXXVII

В больнице долго дни тянулись,
Хотелось Наденьке домой.
Крылато мысли встрепенулись,
Взвиваясь сладкою мечтой,
Которую в себе носила
И ею душеньку поила,
Даря ей розовый рассвет
И светозарный сердцу свет,
Что ярко зори отражает,
Светясь отрадой на лице,
Благоухая на венце
И негой душу ублажает.
Оттого глаза сияли,
Радугой небес играли.
И вот она домой летела
Уже как будто бы другой,
Частенько в зеркало глядела,
В душе довольная собой:
Ожогов уж совсем не видно,
И носик вздёрнут стал завидно.

XXXVIII

Прилетев, Надежда в дом вошла,
Отец ахнул от восторга,
Дочь его красавицей была -
Глаза чудные, как Волга,
Так полноводно заблестели,
Красою царскою горели,
И кожа нежностью цвела.
О, нет - не Надя то была!
Швов на лице совершенно нет,
И ожоги все пропали,
Губки розовыми стали,
И персиковый играет цвет
На личике её милом,
Кокетливом, чуть строптивом.
Ей теперь и двадцать пять не дашь,
Красотой так засияла,
Возьмёт Андрея на абордаж,
О нём тайно ведь вздыхала
И всё мечту в себе носила,
Уже о ней я говорила.

Глава седьмая

I

И Андрей от счастья обомлел,
Надю вечером увидев.
Неожиданно аж оробел,
Чего вовсе не предвидел.
Надя так сильно изменилась!..
Всё сразу в ней преобразилось.
Не отведёшь глаз никогда,
Невеста стала - хоть куда!
По ней Андрей уже вздыхает,
Только любовь в себе хранит
И никому не говорит.
Он к Наде часто забегает
И зовёт театр посетить
Или к друзьям вместе сходить.
Рада бы Надежда погулять
И в Днепре с ним искупаться,
Да сессию надо ей сдавать,
Да и боязно встречаться...
Она ни с кем ведь не дружила,
Его впервые полюбила.

II

И у Андрея за столько лет
Нежданно сердце зацвело,
Вдовец ощутил в нём яркий свет,
И нежность, и мечты тепло.
Всё эти чувства песней пели,
Набатом радостным звенели.
В нём надежда поселилась,
Верою любви кружилась.
Много лет поникшим он ходил,
Жизнь в работе лишь сгорала,
А любви не предвещала.
Замкнулся, лишь Веру схоронил...
Ты же помнишь, мой читатель,
Мой любезнейший приятель,
В день свадьбы Фёдор её убил,
Когда дочку выдавали...
Вот тогда подлец её сгубил.
С тех пор муки лишь гуляли
В его обездоленной душе,
Что не хотелось жить вообще...

III

Анюта только сердце грела,
Его кровинушка звала.
А тут любовь в душе запела
И в рощу счастья повела.
Вот как в судьбе, мой друг, бывает:
Как будто осень лишь гуляет
В душе измученной тоской,
Поникшей горюшком, больной.
И вдруг расцвет!!.. Порыв волнения! -
Душа крылатая летит,
Дорогу к радости торит
И там полна огня стремленья,
Необъяснимо вновь парит,
Усладою любви горит...
Поэтому простим Андрея,
Что утверждал он о любви:
Хоть у жреца иль у плебея,
Но раз она горит в крови.
Да во второй раз сам влюбился,
Он на Надежде бы женился.

IV

Да только Надя не спешила,
Хотя была любви полна.
Но всё ж любовь её смутила -
Не подготовлена она...
Путь её кровавый угнетал
И о болях всё напоминал,
Выросший в Афганистане
В насилии и обмане.
И который всё ещё знобит
В сердце страхом и обидой,
Да измученной кручиной,
А дарить цветенье не спешит.
Андрей всё это понимал,
Но половодьем чувств играл...
Вот наконец-то он добился
С Надеждой встречи на Днепре.
Ведь как мальчишка он влюбился,
Душа пылала, как в костре,
Любовью крепкой, необъятной,
И светозарной, и крылатой.

V

Они сегодня с Надей вместе -
В красивом катере большом,
Но никому не шлют известий,
Где они с Надею вдвоём.
Один свидетель - Днепр их сильный,
Величьем сердцу очень милый.
Глядит раздольем он родным,
Журча спокойствием своим
В лазури полноводной мили
Разливом дивной красоты.
Не то, что города версты,
В которых столько разной пыли.
Днепр, к счастью, этим небогат,
Здесь не гуляют пыль и смрад.
Здесь времён раздолье тишины,
Где ещё отцы купались,
Пращуров дыхания слышны,
Битв с врагами, что сражались.
Всё воедино здесь собралось
И памятью в волнах плескалось.

VI

Всё умилением здесь дышало,
Такая гладь - не обозреть...
И солнце нежностью ласкало,
Что радостно хотелось петь.
Андрей Надежде в очи глянул
И глубиною чувств воспрянул:
В них столько было теплоты,
Животворящей красоты,
Дыханье аж перехватило,
Так ослепительна была,
Неотразима и мила
И чистотою восходила,
Величием своим звала
И в глубь созвездий чувств вела,
Которые в Андрее зрели
Уж незаметно много лет,
Теперь открыться ей хотели
И распахнуть сердечный свет...
Вот и обнял он неторопко,
Стал объясняться Наде робко.

VII

И начал так: - Позволь, родная,
О своих чувствах рассказать.
Жизнь простирается большая,
Мне, Надя, хочется узнать
О ваших мыслях, зовах сердца,
Хочу, чтоб в них открыли дверцы
Вы праведной своей душой.
Надежда!.. Будьте мне женой...
Я вас люблю, вы мне поверьте,
Любовью чистой и простой,
И вы мне посланы судьбой.
Хочу за вас я быть в ответе,
И днём и ночью вместе быть,
И только вас всю жизнь любить.
Хотя я вас намного старше,
В пятнадцать лет разрыв лежит,
Но нет милее вас и краше,
О вас сердечко лишь болит.
Без вас мне жить не интересно.
Наверно... Это вам известно.

VIII

Вы мой восторг и моя нежность,
Вы радуга моей мечты,
Вы мой полёт и жизни свежесть,
Томленье вы моей версты.
Без вас я сникну и увяну,
А с вами сердцем вновь воспряну
И песней счастья расцвету,
Коль к вам тропиночку найду.
Позвольте верою светиться,
Надюша, милая моя,
Не отвергайте вы меня.
Душой своей хочу сродниться
И только с вами пребывать,
Дорожку верности постлать.
Вы мне как Ангел сизокрылый,
Созвездие души моей,
Хочу я видеть вас счастливой,
Вы - светоч дивных моих дней,
Которые мне вдруг открылись
И к вам любовью осветились...

IX

Надежда от любви светлела.
Она как роза расцвела,
В порыве нежности сумела
Такие вымолвить слова:
- Андрей, и я вас полюбила,
Давно к вам голову клонила,
А признаться всё боялась,
Очень, глупая, стеснялась
Вам о своих чувствах рассказать,
Как во мне они пылают,
Вас любовью обнимают.
И я согласна женой вам стать,
Своей любовью вас ласкать,
И свою верность вам являть,
И быть всегда лишь только с вами,
Как в радости, так и в беде.
Пусть счастье стелется пред нами,
Чтобы нам вместе быть везде,
Чтоб верой наша жизнь горела
И любовь вечную имела...

Х

Андрей был рад, что так сложилось,
Что Надя тоже им жила.
Дорога к счастью вдруг открылась,
Заветная звезда взошла,
Им очень ярко засветила,
Да так, что свадьбу освятила.
Вмиг новость эта разошлась
И с мнением родных сошлась.
Всех больше Тоня ликовала,
Она ведь знала всё давно,
Что плещется любви вино,
Которое в Наде играло
И радовало глубиной,
Как море яркой красотой.
Душой и Тонюшка ведь пела,
Героя встретив своего,
Максима видеть всё хотела -
Его лишь только одного.
О том почувствовал читатель,
Родной, любезнейший мечтатель?

XI

И мне приятно поделиться
С тобою, досточтимый друг,
И откровением раскрыться,
Расширив Тони действий круг.
Она к Максиму прикипела,
Да всё признаться не хотела,
Как душою к нему льнула
И любовь не обминула.
К нему так трепетно зывала
Своею горестной судьбой
И совершенно непрстой.
В ней счастья Тонюшка не знала,
Всю жизнь в горе пребывала,
Как травинка в осень вяла...
Что ж может дать бандит капризный,
Когда он злобой одержим,
Справляя тайные всё тризны?..
А Воробьёв же был таким.
Ведь лишь перед смертью Марк прозрел,
Да бед столько принести сумел!..

ХII

Тонюшке от него досталось
Лишь оплеухи получать.
Вся брань его в неё вонзалась,
Чтобы до боли истязать.
И слёзы путь её торили,
Всю душу горюшком залили.
Отчаяньем дышала грудь,
Хотелось навсегда уснуть...
А Тоня в девушках пленяла
Своею яркой красотой,
Распахнутой своей душой
Тропу счастливую искала,
Мечтой сердце ублажала,
В ней одной лишь ликовала.
Достойно закончив институт,
Лихо с должностью справлялась -
В работушке быстро дни бегут,
В радости труда купалась.
И дней совсем не замечала,
Когда к признанию шагала.

ХІІІ

А замуж вышла - муж бранится,
Ей не даёт в завод ходить.
Ребёнок должен был родиться -
Пришлось работу прекратить.
Все годы дома прозябала,
Всё Воробьёва ублажала.
А Марк как зверь всегда рычал,
Ей жизни дома не давал,
Антонине душу истерзал.
Как рабыня она стала,
Духом совершенно пала,
А он бичевать всё продолжал.
Тем ядом сына напоил,
Не зря он злобным таким был...
Но дальше ты, мой друг, уж знаешь
О сыне, муже до конца.
Упокоеньем поминаешь?
Пошли им доброго словца.
Нельзя же усопших проклинять,
Божий Суд сумеет им воздать...

XIV

А Тоне после пыток тяжких
Господь Максима вдруг послал.
Он с ним ей дал свиданий сладких,
За муки горькие воздал.
И вот сейчас Тоня с Максимом,
С желанным, милым и любимым,
В его объятьях замерла.
О, как же их она ждала!..
Они уж в загсе расписались
И скромно свадьбу провели,
В доме Тони уют нашли.
А Ната с матерью осталась...
О ней мало говорила -
Очередь не доходила.
Ната растёт и созревает,
Ей уже девятнадцать лет,
Лань горную напоминает,
Даря очей лазурный цвет,
Который ярко полыхает,
Но своенравностью играет.

XV

В ней горных рек струится жилка,
Непостижима и мила.
Не скажешь на неё: «Брысь, милка!» -
Закусишь сразу удила.
Ведь взор её острей кинжала
И так распишет на скрижалях
Всё ваше гордое чело,
Что не оставит ничего:
И ни речей, ни состраданий,
Отравой ваш напоит путь
Или вонзит огонь вам в грудь -
Всё сделает без колебаний.
Коль на честь вы посягнёте
Иль оскорбленьем прошьёте -
Без страха она вам отомстит,
Скорбью вашу жизнь наполнит,
Пред смертью, а всё же вас сразит,
Волюшку свою исполнит.
Но и в то же время так добра -
Вам без счёта выдаст серебра.

XVI

Когда беда с другом случится,
То не оставит одного,
А на́смерть за него сразится,
Не пожалея ничего.
И в то же время так прекрасна,
Красою ей весна подвластна:
Как берёзка стройна́ в поле,
Выросшая в полной воле,
И грациозная в движеньях,
И как лебёдушка парит.
Зорянкой раннею горит
И так ласкает уваженьем,
Собою так она красна,
В ней столько жаркого огня,
Что вот-вот и воспламенится,
Взлетит крылатою звездой.
В неё нельзя же не влюбиться,
Не восхититься красотой,
Ведь настолько дивная она -
Гармонией роз наделена.

XVII

Хоть боли в ней склады хранятся,
Они укрыты жизнью дня.
И не дают им разрастаться,
Но поят их трудом сполна.
Старанья столько в ней скопилось,
Что в пятерых бы засветилось
Цветеньем радостной весны,
Даря духовные огни.
Она с младенчества постигла -
Трудиться до исхода сил,
Хоть труд порой совсем не мил.
Купоны радости не стригла,
А пожинала тяжкий труд,
Дела, что к счастью ведут.
Труд, бывает, вымучит до слёз
Кровавой раной на руках,
И он не подарит сердцу роз,
Снежком взыграют на висках
И муки, горькие печали,
Безрадостные взоров дали.

XVIII

И эти дали ей припали,
Стелясь мученьем бытия.
Понять с пелёнок они дали
Всю горечь тяжкого житья,
Когда в деревне на Айдаре
Жила с мамой у бабы Вари,
А точнее у прабабы,
Дедушки Максима мамы,
Что Наде бабой доводилась,
Надежде с трепетной душой,
Миленькой девочке, больной,
Что в Андрея сейчас влюбилась.
Тогда дитя в тринадцать лет,
Понятья в жизни ещё нет,
Она Нату - дочку родила
В таких тягостных мученьях ...
Похоже, что бабушка спасла,
Припав к Господу в молениях,
Чтобы Бог дитя не забирал,
Ей возможность разродиться дал.

XIX

Господь принял её прошение,
Наталья наша родилась,
Упоена души стремленьем,
Чтоб жизнь за муки воздалась.
Натуся с семи лет трудилась,
С большим старанием училась,
В течение всех школьных лет
Давала правильный ответ.
За труд медаль ей улыбнулась,
Излучавшая солнца свет,
Неся терпения секрет.
Ей знаньем школа распахнулась,
Хоть не раз её бранили,
До слёз горьких доводили,
Когда Афганкой называли,
То как ястреб влетала в бой.
Тогда мальчишки трепетали
И разбегались домой.
Порой с разбитыми носами,
Случалось, били её сами.

XX

Никогда не плакала она,
Хоть кровь текла порой ручьём.
Бесстрашия буйного полна,
Сражала взглядом, как копьём.
Мальчишки Наты уж боялись,
С мнением девочки считались.
Когда же слышала порой,
Что старшие между собой
Её Афганкой называли,
Тогда и к ним вбегала в дом,
Крушила вдребезги всё в нём.
И обзывать потом не стали...
Постоять за себя смогла
И мать в обиду не дала.
Но всё же по ночам рыдала,
Когда Надежда, её мать,
Всё у окна, как тень, стояла,
Глядя в невидимую гладь...
Мать вечерами не гуляла,
Заплаканная всё молчала...

XI

А теперь - счастливая она,
Собралась замуж выходить,
Как май любовью напоена
И станет к счастью путь торить.
Наталья мать не ревновала,
Она Андрея уважала,
Радовалась за свою мать,
Её смогла она понять.
Но Ната ещё не влюблена,
Никто не нравится всё ей,
Не покори́л её очей.
Наталья любит гулять одна,
О своей мечтая доле,
Свободной, как ветер в поле.
Она ж студентка боевая,
Второй закончила уж курс.
Дорога ждёт её большая,
Путь в доктора открыл ей вуз.
На деда быть похожей хочет,
Над анатомией хлопочет.

XXII

Ей очень нравится учиться,
Отлично сессии сдаёт.
Ни в чём Наталья не ленится,
И вечера она ведёт.
Много поклонников имеет,
При ней хамить никто не смеет.
Словцом обдаст как кипятком,
И пожалеет хам о том,
Что так посмел он выразиться
В присутствии прекрасных дам,
В их душеньках посеял срам.
Могла и в шахматы сражаться,
Умело партию вела,
Победу яркую брала.
Ещё любила вечерами
С прабабушкой поговорить,
Когда уж тьма между кустами
Желала тишину испить
И повсеместно уложиться,
Ночною негою разлиться.

XXIII

Ей нравились степные дали,
Деревни радостный простор.
Как вербы тучи нависали,
Ведя с Айдаром разговор.
И жатва Нату волновала,
Когда пшеница попевала,
Волной качаясь на ветру,
Росой умытая к утру,
Просилась в дом к своим желанным,
Чтобы в амбарах отдыхать,
Весною чтобы полыхать
Вновь утром нежным и туманным.
Но очень и закат пленил,
С волнением в сердце заходил.
А больше всех заря вzywала,
Когда, всё небо осветя,
Степные дали раскрывала,
Их в послушании ведя
Полям, лесам и косогорам,
И всех ласкала нежным взором.

XXIV

Тогда мечты к ней приходили,
Струясь в Айдарской глубине,
Скорей обнять её спешили
Той думой, спрятанной в волне,
Которую в душе носила
И ею лишь себя поила
В святозарности лазури,
В полыханьях взоров бури,
Которые её ласкают
Той необъятной широтой
И лаской, нежностью святой,
И ими душеньку питают
Необозримой красотой,
Что пращурам была родной.
И отчего душа взмывает,
Летит, не ведая границ,
И чистоту небес вдыхает
В сияньях радостных зарниц,
До глубины вся растворяясь,
В надежде верности купаясь.

XXV

Так парит, увидев неба свет,
Яркокрыло и свободно,
И вдыхая аромата цвет,
Излучая свет привольно
Раскидистым своим стремленьем,
И юным трепетным томленьем,
И зова сладкого мечтой,
Укутанной своей судьбой,
Что к каждому она ветвится
Покрытой тайною небес,
Имея чёткий интерес,
К нам своенравностью струится:
В тиши иль в бури грозный час,
Как нашей Наточке сейчас,
Что мечтами вся упоена,
Горит как яркая свеча,
А в ней всё взывает глубина -
Непостижимо горяча,
Её желанья убажает,
Мечтами дивными питает.

XXVI

Наталья отважных полна сил,
И парит же легкокрыло.
В ней свет так ласков и дивно мил,
Не глядит ничуть уныло,
Хоть боль ещё вчера давила,
Жестоко и нещадно била.
Лишь рубцы одни остались,
Что в тоске ещё купались.
Но они могут раствориться,
И розой нежной зацвести,
И радость сердцу принести,
Когда над ними не глумиться,
Дать размах душе сердечный,
Зов не погубить извечный,
А расцвести дать добротою,
Даруя ей лампадный свет,
Раскрыться дивной красою
И не теснить души ответ.
Пусть он свободой колосится,
Сердечной ласкою искрится.

XXVII

Так наша Ната всё мечтала,
Порхающая в сини грёз,
Порою сладостно вздыхая,
Порой кручиняся до слёз,
Пока ей в дверь не постучали,
Из грёз парящих не забрали,
Не позвали приземлиться,
Беседую насладиться.
А то был же дедушка Максим,
А с ним и Тонюшка была.
Медовая заря взошла -
Ведь сладко жилося молодым
В разливе обновлённых чувств,
В любви такой, что вянет грусть.
В них нежность ярко полыхала,
Медовый месяц буйно цвёл,
И ласку Тонечка познала.
Путь наслаждения их вёл,
Который негою раскрылся
И радугой надежд светился...

Глава восьмая

I

А они к Наточке явились,
Чтоб Надин путь обговорить.
Румянцем Тонюшка покрылась,
Услышав, стала как просить:
- Хочу, чтоб мать вас называла,
Не по имени величала,
А пусть же мамой вас зовёт,
Без страха, скажет что народ.
Ещё позвольте обратиться
И глубже душеньку открыть.
Желаю внучкою вам быть,
Мне с вами хочется сродниться...
Наталья к Тоне подошла,
По-родственному обняла.
Вдруг Антонина разрыдалась,
Вся умилением зацвела,
Щекою к Наточке прижалась,
Ключи ей нежности дала,
Которые так сердце греют,
Коль радость и любовь имеют.

II

И дедушка весь ободрился,
Уж очень встрече был он рад.
Восторгом трепетным светился,
Настолько счастьем был богат,
Что в тот же миг в объятьях жарких
И поцелуях, сердцу сладких,
Обоих крепко обласкал,
Кружить по залу их он стал.
И праздник забурлил в квартире,
Он легкокрыло запарил.
Господь им счастье подарил,
Бог дал воспеть сердечной лире
Тот дух незримой красоты,
Необозримой высоты,
Что душенька в себя вобрала,
Созвездьем ярким зацвела
И по заслугам всем воздала,
Победой дивною взошла,
Их благодатью обвенчала,
Дала согласию начало.

III

Надежды свадьба надвигалась,
Ноябрь на улице гулял...
Уснуть земля уже собралась,
С деревьев лист давно опал.
Морозы стали появляться,
Теснее овцы стали жаться
В стойлах, кое-как укрытых,
Из жердей несносно сбитых.
Морозный ветер дуть стал чаще,
Земля покрылась сединой,
Казалась будто бы больной,
И в инее дремали чаши...
Всё унылостью дышало,
Снега пышного всё ждало.
Леса без праздного убора
Взирали наготой своей,
Всё ждали зимнего задора,
Когда коснётся снег ветвей.
Только он всё медлил, не спешил,
Белизной округу не укрыл.

IV

Но в конце концов зима пришла.
Снег ложился пышнокудро,
А метель без устали мела
И кружилась вихрем бурно.
Вдруг ураганом заплясала,
Свою всем грозность показала.
Забралась вмиг на чердаки,
Там, где гуляли сквозняки.
И в трубы мельком заглянула
Своею яркой белизной,
Пользуясь дома тишиной.
Но лишь хозяйка печь задула,
То над трубою снежок сник,
Он поспешил скорей в тупик:
К заборам, крышам крутолобым,
В поля крылато полетел.
Снег дал работушку зазнобам,
Во двор сельчан зайти посмел,
Кругом рассыпался вальяжно,
Везде возлёт лопасть важно.

V

Снег и бабу Варю не забыл,
Бойко во дворе трудился,
Пирамиды на столбах лепил,
На сарае он искрился.
Даже горкой на крыльцо взошёл,
Местечко и там снежок нашёл.
Белизной в окне светился,
Нежным облачком кружился,
Плечи бабе Варе покрывал.
С ней зашёл он и в курятник,
Открывал крючок в зайчатник,
Её снег одну не оставлял:
Вместе **пó** воду ходили,
Дружно с бабой Варей жили...
Ещё и кот был рыжеватый,
Но он от снега убежал.
Был кот ленивый и кудлатый,
Клубком на печке всё лежал.
А бабе Варе не сиделось,
Дел много же у ней имелось.

VI

Она ж на свадьбу собиралась,
Ведь завтра сын приедет к ней.
Дорога дальняя ей стлалась,
И не было её милей -
Ведь сын и внучки дорогие,
Такие близкие, родные!..
Невесточка приглянулась,
Но немножко ей взгрустнулось
Оттого, что в Киев все зовут.
Она не знала, как же быть,
Кому животных ей вручить.
Ведь же без неё они помрут...
Да пришла злодейка старость,
Подарила телу вялость.
Восьмой десяток разменяла,
Начала старость допекать,
И боль в суставах давить стала,
Теперь совсем уж тяжело встать...
Поэтому Максим бранится,
Что матушка всё не решится.

VII

К нему в столичный ехать город,
Где столько скверов и дорог.
Душою Киев наш так молод,
Раскидистый, но всё же строг
Архитектурными домами,
Святозарными куполами,
Магазинами ярких роз,
Носителями дивных грёз,
Преданием тихой старины
В домах, взором синеоких,
Сердцем близких и далёких.
Думами они напоены:
Горестными и родными,
И близкими, и чужими.
И проживших уже много лет:
Легкокрылых и усталых,
Раскрывая и храня секрет,
Радую людей бывалых
Величием его древних стен,
Хоть познавших множество измен.

VIII

Но баба Варя не видала
Всей красоты и песни дня -
В шумном Киеве уставала,
Желая сельского огня.
В тисках столичных тосковала,
Её к себе деревня звала:
Айдар, который тих собой,
И воздух сладкий полевой,
И пасека с жужжанием пчёл,
Ромашек белопенный взор,
Неубранных садов укор,
В изобилии фруктов стол.
Это всё для сердца мило,
Ей в деревне не уныло,
Ведь там же Варя родилась,
Там с Васяткой обвенчалась...
И там от боли извелась,
Когда с ним навек рассталась.
Айдар памятию весь дышит
И с лаской прошлое колышет.

IX

Поэтому и не хотелось
Родное покидать гнездо,
Ведь так сердечко в нём согрелось,
Но время, кажется, пришло ...
И, утерев глаза платочком,
Она решила вечерочком
Соседке живность подарить.
А чтобы сердцем не скорбить,
То в деревню летом приезжать,
И встречаться вновь с полями
И с любимыми местами,
И во всех местах детства бывать,
Душенька чтоб не рыдала,
О Васятке не скучала...
Бабуся Варя умилилась,
Аж душой повеселела,
Ведь наконец она решилась,
Побороть себя сумела,
На неделе этой чтоб отбыть
И с родным Максимом вместе жить.

Х

Баба Варя верна осталась,
Решение воплотила
И с соседями распрощалась,
В Киев дверь к родным открыла.
Её там новость ожидала.
Ей Надя мигом рассказала,
Что Аня сына родила,
Его на свет душой звала.
И Иван, супруг, доволен, рад.
О сыне он давно мечтал,
В нём продолжение видал.
Сиял грядущим Ивана взгляд,
Играющий разливом рек,
Свой наполняя счастьем век
В усладе бьющихся стремлений,
Звонящих синевой небес,
И дел в порывах наслаждений,
Отрадой вышитых окрест.
И в тех движениях крылато
Взовьётся вера в Бога свято.

XI

Чтоб на пути святых решений
Распахивал души порыв,
Тома даруя сочинений,
Стяг победный воодрузив,
Который бы светил парадно
И рассыпался цветью славно
В родительской большой любви,
Где б пели нежно соловьи.
Они бы с Аней наслаждались
Величием его дорог.
И путь чтоб не был бы полог -
Дела бы в вечность открывались,
Неся лазурь и теплоту,
И светозарную версту,
Где сын здоровьем бы светился,
Был нежен, всеми бы любим,
Чтоб по любви бы он женился,
Никем бы не был сын гоним...
Вот так мечтал отец усладно,
Цветеньем дум горя отрадно.

ХII

О детях все мечтаем сладко -
Примерно, как мечтал Иван,
Душою к ним пылаем жарко,
Не замечаем свой обман,
Который мы по жизни сеем,
Заботу нежную имеем,
Елейной лестью отдаём
Да хамство в грудь свою ведём.
Порой корыстью полыхаем,
И леность в душеньке живёт,
А вера в Бога не цветёт -
Добра друг другу не желаем,
Частенько злобою кипим,
Себя мы мало в чём корим.
Мы зависть в сердце расплодили,
Всё не спешим её изгнать,
И тем сердечность погубили,
Убогих не хотим понять.
С таким разросшимся пороком,
Который врос в нас так глубоко,

ХІІІ

Едва ль желанного достигнем,
Плоды величия сорвём,
И памятник добра воздвигнем,
Да плотью чистой зацветём.
Вот потому в нас зло гуляет
И диким варварством буянит.
Наркотою заболели,
В лодку ненависти сели,
Не блюдём в себе лампадный свет.
Не ведём дорогу к счастью,
Всё плодим себе ненастья,
Болеем столько от этих бед...
А больной - больных рождает,
Яд растленья разъедает.
Коль вовремя не спохватиться,
Не истребить зло на корню -
Может бедствие разразиться
И душеньку предать огню...
Но наша Аня не такая,
Она у нас совсем другая.

XIV

Аня чиста, читатель помнит,
За правду может постоять,
Злодейства веточку не сломит
Ею не будет вас стегать.
Хоть в жизни горюшка познала,
Но мщением не задышала,
Всё так же ласкою горит,
И вам сердечность подарит.
Сейчас она как солнце светит
Так мило, ярко и тепло,
Цветение её взошло.
Оно попасть в мир радуг метит
И там спокойно отдохнуть,
К сыночку радостью прильнуть,
Прочувствовав его рожденье,
Истому сладкую в груди.
Постигнувшее умиление
Мечтой сияет впереди.
И лаской матери витает,
Надеждой доброй обнимает.

XV

И наш Иван - судья сердечный
В благодарении парит.
Знать, в мир тропу проложит вечный,
Зов в сыне к Богу возрастит.
Ведь он испил свинцовой боли,
И столько горя в его доле,
Что суть раскрылася ему
Всей глубиной, как никому.
Достойно сына воспитает,
Не станет злобою поить,
А в Лавру будет всё водить,
Сынок там суть веков познает,
Где Иван основу понял,
Там Господь ему напомнил,
Дал Анюту в Лавре повстречать.
Там она его узнала,
Помог Владыка груз муки снять,
К памяти его воззвала.
Здесь просил, чтоб Бог им сына дал,
К Нему вместе с Анею взывал...

XVI

Но быть матерью всё же сложно,
Хотя природой суждено.
По сути женщинам всем можно,
И каждой женщине дано
Стать колыбелью чувств рожденья
И в детях чувствовать паренье.
Но всё ж порою не везёт,
Не всем Господь детей даёт.
По выбору Бог посылает
Услышать трепетное «Мать»
И этот дар в объятья взять,
И этим счастьем ублажает,
И к свету в небеса ведёт,
Где радостно душа поёт.
Но требует напряженья сил,
В муках женщина рождает,
Чтобы ребёнок был больше мил,
Испытанье Бог вручает.
Но порой мы думать не хотим
И дитю лишь радости дарим.

XVII

Да этим чадо своё портим,
Ростки безделья холим в нём,
Хоть о любви ему торочим
И дифирамбы всё поём.
А к труду мало приучаем,
И бесконечно потакаем,
Достаток полный воздаём,
Совсем не думаем о том,
Что каждый должен заниматься
По мере Богом данных сил.
Хоть гений ты, а хоть и хил -
В труде лишь радостью слагаться,
В нём полной восходить зарёй,
К Спасителю идти душой.
Тогда гармония взовьётся,
Отрадой будет полыхать,
Работа радостью забьётся -
Лампадный свет будет сиять.
Иначе эгоизм возрастется,
А он - в несчастье обратится.

XVIII

Про Фёдора мы не забыли?
К чему безделье привело?
Вино, распутство уложили
В мученья адовы его,
Где нет ни в чём ему прощенья,
От пыток страшных избавленья.
Может, мать его избавит,
Если Бога будет славить
И молиться станет день и ночь,
Искупать своим стараньем,
Милосердным поминаньем,
Его боли вытесняя прочь,
Чтоб душа чуток вздохнула,
От мучений отдохнула.
Мы ж помним, Тоня так стремится
Прощенья сыну испросить!
Всё к Аннушке с мольбой стучится,
Чтоб и она смогла простить
Его убийство... Избиенье,
Творимого над ней глумленья.

XIX

Анюта добрая - простила,
Тем более она же мать...
Вчера к ней Тоня приходила
С новорождённым поздравлять.
Как дочь Анюта Тоне стала,
Сердечком чистым обласкала.
И все родственники были,
Добра много надарили.
Бабуся Варя посетила,
Светилась радостью большой,
Неприхотливою душой
По-родственному рассудила:
- Какой красивый паренёк.
Он, Аня, точно как Ванёк.
А давай, я буду помогать?
Без дела дома ведь сижу,
Хоть стану пелёночки стирать,
Купать сынишку научу...
Анюта мило улыбнулась
И от услуг не отвернулась.

XX

А тут и свадьба надвигалась,
Надя готовилась к венцу.
Всё очень хорошо слагалось,
Везло во всём теперь вдовцу.
Баба Варя в права вступила,
Свои старанья приложила.
Внучку ж замуж отдавала,
Свой сценарий написала,
В нём стариной своей тряхнула,
Хвалила зятя без конца,
Даруя красные словца.
Свечу печальную задула,
Сказала, что Андрей хорош,
Во всём талантлив и пригож,
В нём Надечка души не чаёт,
И как весна она цветёт,
Сердечко радость излучает.
Душа её его зовёт.
В нём множество огня горело,
Весна в сценарии звенела.

XXI

Не только в нём играло счастье,
Оно бурлило в молодых.
Увяло в долюшках ненастье,
Услада покрывала их.
Андрей, как в юности, раскрылся,
Давленьем лет не тяготился.
Он словно двадцать сбросил лет,
Так излучал задора свет.
И нарядов кучу накопил,
Современных и богатых,
Из салонов очень знатных.
Наденьке он тоже подарил
Всё, что положено к венцу,
Разлил влюблённость по кольцу.
И счастье радугой взыграло,
Совсем не требовало слов,
Красою дивною сияло,
Неся великую любовь.
От неё сердце полыхало,
Цветением весны гуляло.

XXII

Хоть на улице стоял мороз,
Киев в белый снег оделся,
И в метро не видно было роз,
В город ураган вдруг вьелся.
Жёстко он надёжность проверял,
Натиском столицу в плен свой взял,
Всё испытывал на прочность,
Архитекторов на точность,
Со строителями вступил в бой.
Провода он рвал порывом,
С нарастающим надрывом.
Разослал повсюду дикий вой.
Вонзался с яростью в народ
И тормозил машинам ход.
Как разъярённый зверь бросался,
Всё бил в открытые места,
Так своей силой наслаждался,
Что в людях меркла красота.
Они ж, дрожащие, бежали,
Спасенье от него искали.

XXIII

Движения кругом затихли,
Народ из окон лишь глядел,
Уж провода кой-где повисли,
Бурян сильнее всё кипел.
Автобусы уж не бежали,
Тоскливо средь дорог стояли,
И машины затаились,
Лишь кой-где по льду кружились...
Во тьму весь город погружался,
Ураган страху нагонял,
И свет гореть уж перестал,
Жуткий тайфун в Киев ворвался:
Крыши в небо полетели,
Удержаться не сумели
И, ломаясь, падали с небес,
Рушились людей творенья,
Силою срываясь с прежних мест,
Не стихало вьюг глумленье.
Люди от страха трепетали,
Пока к Владыке не воззвали...

XXIV

Тогда Бог послал беде конец,
Наш Спаситель, Господь вечный.
Всем Христос дарует Свой венец:
Тяжкий, а кому сердечный -
По грехам пращуров и нашим,
Которые мы часто прячем...
Да от Бога всё ж не скроешь,
Их молитвами лишь смоешь.
Они в нас плотью прорастают,
И в делах наших все живут,
Во злобе - ярко в нас цветут,
А в доброте - с нас опадают,
Грехов снимая календарь,
Как в молодости, так и встарь.
Как скоро очистимся от них
Своим сердцем и душою,
Зависит от наших дел благих,
Дара пращуров судьбою,
Которые в нас отзовутся
И с нашей душенькой сольются...

XXV

Добра паденье проследили,
Как в Фёдоре грехи взошли.
Иные - крест душой обвили
И облегчение нашли:
Герои нашего романа,
Различного по жизни сана;
Бог всем им судьбы облегчил,
Любовь и дружбу им вручил.
И крылатой свадьбой наделил
Антонину и Максима,
Вновь Ивану Бог дал имя,
Ванюшу с Анютой породнил,
Судьбу Нади благословил,
В мужья Андрея ей вручил.
И вот сегодня свадьба бойко
Гремит застольем молодых,
Взыгралась песня сердца звонко
В устах знакомых и родных.
Так пляска дробью раздавалась,
Что свадьба счастьем разливалась.

XXVI

Все гости дружно веселились,
Бабуся Варя в пляс пошла,
Она от счастья засветилась,
Что радостью всю боль сняла,
Которая в ногах стонала,
Она ж её не замечала.
Шустро в вальсе закружилась,
Огнём юности лучилась.
Уж так за внучку была рада,
Что Надя горюшко сняла,
Сердечным счастьем зацвела
И разбросала все преграды.
Они словно бы держали,
Надю в радость не пускали,
Чтоб познать счастливую судьбу.
А всё болью засыпали
Везения славную тропу,
Да жнивье ей даровали...
Но всё же небо прояснилось -
Сердечко Нади засветилось.

XXVII

Она зорянушкой взывала,
Средь зимы радугой цвела
И благодатью воссияла -
Невеста дивная была.
В ней нежность редкая играла,
И трепетность души ласкала,
Кротость яркая горела,
Любовь верностью звенела.
С Андрея взор свой не сводила,
Благоуханьем разлилась,
Глубинным счастьем озарясь.
Всем ясно было, что любила,
Так радушием пленила -
Сердцем к небу восходила...
Взаимностью и муж светился,
Андрей блаженством весь сиял.
Он как мальчишка вновь влюбился,
Любовью сердца полыхал.
Отрадою цвели супруги,
А нам пора прощаться, други...

XXVIII

Роман писать я завершаю,
В нём - каждый выстрадан герой.
Тебя, читатель, умоляю -
Ты не брани за жанр такой.
Мне всем хотелось по порядку
Вложить в судьбу свои разгадки -
Высокой сердца чистотой,
Их жизнь измерив глубиной,
Показать души лампадный свет,
Что с рождения сияет,
Он все доли освещает
И несёт в себе души ответ.
А он плачет иль ласкает,
Иль тоскою замирает.
А то умилением цветёт,
Как сады цветут весною,
И сердечко крылато зовёт
Распахнуться широтою,
Где вечность счастьем полыхает
И к милосердию взывает.

XXIX

Или ад нещадный в пекле ждёт,
Чтоб мученьем наслаждаться,
Или цепи ужасов куёт,
Вечно чтобы издеваться...
Во всём читатель разобрался,
Пока с героями общался,
И вынес свой им приговор,
Где чистоту узрел, где сор.
Только мне, приятель, все они
Почему-то дорогие:
Здоровые и больные,
Что судьбой до язв обожжены
Этой жизнью быстротечной,
Порой вовсе не сердечной,
А избитые остудой дня,
Не познав души цветенья,
Библейского не вдохнув огня,
Вставшие на путь глумленья,
Который душу не спасает,
Но вот подумать - заставляет...

XXX

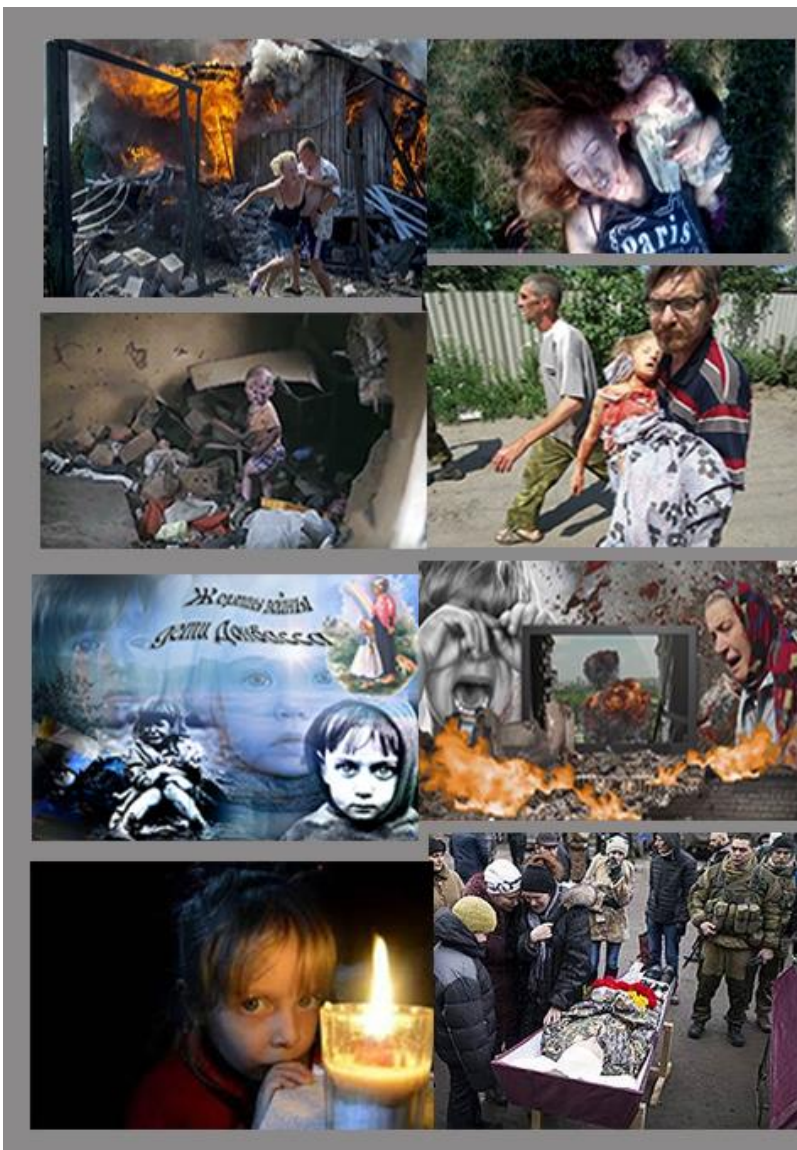
Но мои герои не хотят,
Чтоб минором завершила.
Всё наперебой во мне шумят,
Чтоб в концовке изложила,
Как все они со мной дружили,
И целый месяц во мне жили,
И говорили день и ночь.
Была и я совсем не прочь
Общаться с ними непрестанно,
Их полюбила всей душой
Своей открытою судьбой
И обнимала их отрадно.
Везде со всеми я была,
Свои визитки им дала
И согрела нежностью своей.
Кой-кого и бичевала...
Но вот кто из них мне стал милей,
До конца я не познала...
А ты, читатель, кого избрал
И руку дружбы кому б подál?!

25.07.-26.08.2003 г.

ЭПИЛОГ

I

Родился эпилог от боли,
Как прочитала вновь роман.
Ну что ж, правители, вы доли
Пустили в зло и под обман!
Ведь вас о том предупреждала,
Роман вам целый написала
Пятнадцать лет почти назад,
Срывала злости маскарад.
А вы величием не прозрели
И разнобой стали нести,
Интриги меж собой плести,
А явить мудрость не сумели.
И свой народ стали делить,
В делёжке беспощадно бить.
Да и развязали зло войну,
Пришли донбассцев убивать
И их держите в сплошном плену,
Вам на народ свой наплевать?!
Что ж, Украина, натворила?!
Ты ж путь нацистский простелила.



II

А на нём же боль и пустота,
Смерть гуляет лишь повсюду,
Да и детский плач и маята -
В себя впитала путь иуды.
И предала власть Украину,
Вновь бросив предков зов в пучину.
А за мощь они стояли,
Народ грудью защищали.
За единение боролись,
Проя славянский дух растить,
В веках с Россией дружно жить,
Вы ж, власти, в злобу пасти вторглись
И свой народ стали кромсать
Да с наслажденьем убивать,
Вы - родной славянский свой народ,
Что все победы добывал,
Власти доблестью являл свобод
И жизнью за тебя вставал.
Так прозрей же, власть, ты, наконец,
Да и пойми, кто здесь твой подлец.

III

И свой люд заблудший просвети,
Сбрось агрессию в пучину,
Да народ свой к братьям поведи,
Изгони из них кручину.
К ним ты распахнися добротой,
Воздав путь спасения родной,
Иначе запад разобьёт,
И вся мощь в пропасть упадёт.
Будешь ты, как нищий у ворот
С протянутой рукой стоять,
Да лишь огрызки получать,
Благостных лишённая работ.
Власть, ты это что, не видишь?
Иль народ так ненавидишь?
Что всем клеймо донбассцам ставишь,
И их ты в омут дней ведёшь,
Террористами называешь,
И, как врагов, нещадно бьёшь.
Но украинцев Донбасс любит,
Народ родной Донбасс голубит.

IV

А ты, власть, бойню учинила,
Даже меня врагом сочла,
Ту, что стихи тебе дарила
И лишь добро тебе несла.
Ты почитай роман душою,
Там я живу людской судьбою.
О Киеве я там пишу,
Его проблемами дышу.
И киевлянам сердца радость
Несу я там соцветьем лет,
Душ им раскрываю свет
И нахожу в том жизни сладость.
Их люблю я, как и раньше,
Нет славян на свете краше.
Вот почему власть и взываю,
Чтоб Украина в толк взяла,
Понять соль жизни умоляю,
Лампадным светом чтоб цвела,
Что я в романе раскрываю,
А в нём не боль – любви желаю.

V

А ты, народ, словно не слышишь,
Прочисть, власть, уши, вникни в зов,
Ну почему так злобно мыслишь?
И роешь разделенья ров.
Брата на брата натравила,
Да в кучу смерти зла свалила.
Война ж четвёртый год идёт
И горе каждый день несёт.
Я в продолженье этой мысли
Давно книгу написала,
В ней понять тебя взывала,
Но беды лишь черней нависли.
Протри ж глаза и почитай,
Как тяжело людям жить познай.
Я эту книгу прилагаю,
Писала сердцем и душой,
Её по сути называю:
«Любовь, убитая войной».
Да в интернете размещаю,
На суд читательский взываю.

31.12.16 г. – 01.01.17 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Хархордина Т. В. «Лампадный свет будет сиять...».....	3-12
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	13-41
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	42-70
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	71-100
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.....	101-134
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	135-168
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	169-206
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	207-233
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	234-263
ЭПИЛОГ.....	264-269

Литературно-художественное
издание

Лазор
Лидия Ивановна

ДУШИ ЛАМПАДНЫЙ СВЕТ

Том I

Второе издание
Доработанное и дополненное

Роман в стихах
Под редакцией автора

Художественный редактор Лазор Лидия Ивановна
Технический редактор Хархордина Татьяна Валентиновна
Компьютерная верстка Холод Елена Александровна

Сдано в набор 12.01.2017 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать лазерная. Усл. печ. 22, 32. Уч.-изд. Л 22,10.
Тираж 1000 экз. Изд. №1324. Заказ № 1545
Цена договорная.

Издательство «НОУЛИДЖ»
Свидетельство о регистрации серия
91051, г. Луганск, кв. Якира, 3/316

УДК 82-1(477.61)
ББК 84(Укр-4Луг)6-5
Л 17

Лазор Л. И.

Души лампадный свет. Роман в стихах. Т. 1. Второе издание. Доработанное и дополненное. / Лидия Лазор. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2017. – 272 с.

ISBN 966-8526-05-8

Роман «Души лампадный свет» написан незаурядным талантливым поэтом Лазор Лидией Ивановной в 2003 году. Обстоятельства, которые сложились в Украине, заставили автора через 14 лет сделать в романе некоторые изменения и дополнения. Автором дописан эпилог, который соединяет роман «Души лампадный свет» с романом, написанным в 2017 году, «Любовь, убитая войной», что составляет дилогию, то есть произведение в двух томах.

Дополнения, изменения в романе «Души лампадный свет», а также написанный в наши дни эпилог добавили произведению ярких красок, он заиграл дополнительными гранями, озаряя человеческую жизнь силой любви, её радостями и печалью. В нём собраны соцветья чувств и веры, что и помогает героям романа достичь поставленных целей.

Роман написан оригинальной 20-строчной строфой с твёрдой рифменной схемой. И в её основу положена так называемая «онегинская строфа», состоящая из 14-ти строк. Создан роман «Души лампадный свет» такой двадцатистрочной строфой, которую по аналогии с «онегинской» можно назвать «лазорской», пожалуй, в литературном мире впервые. Поэтому Лидия Ивановна является новатором в сфере такого стихосложения, которое привлекает читателя своей глубиной и яркостью поэтического изложения.

ББК 84(Укр-4Луг)6-5

ISBN 966-8526-05-8

©Лазор Л.И., 2017

